

Раздел 4

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

А. М. Сафронова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КНИГ В.Н. ТАТИЩЕВА И КАЗЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ЕКАТЕРИНБУРГА В 30-е гг. XVIII в.

В 1735–1739 гг. по инициативе начальника Канцелярии Главного правления Сибирских и Оренбургских заводов В.Н. Татищева в Екатеринбурге шел активный процесс формирования казенной библиотеки за счет заводских средств. За короткий срок из Петербурга и Москвы была доставлена литература, часть книг через Академию наук выписывалась из-за границы. Екатеринбургская библиотека за несколько лет превратилась в самое крупное книжное собрание горного ведомства на территории России, крупнейшее и уникальное собрание российской провинции.

Комплектование библиотеки осуществлялось с учетом потребностей горного ведомства, говоря современным языком, в интересах будущих пользователей информации. Среди последних можно выделить несколько групп. Прежде всего это специалисты горного и заводского дела, нуждавшиеся в информации о новейших способах разработки полезных ископаемых, проведении их проб, разделении и плавке металлов и т.п. Литература была нужна специалистам различных профилей — маркшейдерам, пробирерам, механикам для обучения молодежи, определенной к ним в качестве учеников. Члены горного начальства, низшая бюрократия нуждались в законодательных актах, регламентировавших их деятельность в сфере управления, суда, оформления документации.

Не могли обойтись без медицинских книг медики и аптекари, прибывавшие по контрактам из столицы, книги нужны были для лечения вверенного им горнозаводского населения, подготовки лекарств, обучения прикрепленных к ним учеников. Самыми активными пользователями

литературы должны были стать учителя и учащиеся горнозаводских школ, прежде всего немецкой, латинской, знаменованной (школы рисования): так как ранее на Урале подобных учебных заведений не было, такая литература отсутствовала.

Важная роль отводилась книгам и в деле религиозного, нравственно-го воспитания жителей заводских поселков. Значительная часть литературы предназначалась для самого В.Н. Татищева, продолжавшего в Екатеринбурге работать над первой научной историей и географией России. Он выписывал книги как в свою личную библиотеку, за свой счет, так и в казенную — за счет заводов. В основном книги выписывались на немецком языке, некоторые на латинском, издания на русском составляли незначительную часть.

Первым заведующим библиотекой был назначен немец Лаврентий Сехтинг, прибывший на Урал в октябре 1735 г. по контракту, заключенному с Академией наук. Он был учителем латинской школы и одновременно пастором, библиотечарскую должность исправлял по совместительству, по воле уральского начальства. Но решения канцелярии об этом в протоколах ее заседаний нам обнаружить не удалось.

В июне 1737 г. В.Н. Татишев передал в казенную библиотеку и свое личное собрание, которое он формировал почти треть века, покупая книги как в России, так и за границей: в Германии, Польше, Австрии, шведской Финляндии, Швеции. Уезжая в Самару в связи с поручением ему наряду с заводами руководства Оренбургской экспедицией, Татишев решил оставить свою библиотеку в Екатеринбурге¹. Слияние двух уникальных комплексов литературы по различным отраслям знания еще более усилило ценность екатеринбургского собрания. Большая партия книг, приобретенная бывшим начальником Оренбургской экспедиции И. Кириловым для предполагавшейся к открытию школы в Оренбурге, в декабре 1737 г. была выслана Татишевым для екатеринбургских иноязычных школ, стала важным пополнением главной библиотеки².

Вопрос об использовании книг первой казенной библиотеки горного ведомства специально не рассматривался в нашей литературе, приводились лишь отдельные факты: Н.В. Нечаевым — о чтении Библии и книги В. Стратермана о церковной и гражданской истории в латинской школе Екатеринбурга³; И.А. Гузнер — о чтении «Тестамент» учащимися немецкой школы, выдаче «Латино-русского лексикона» на руки одному из школьников, готовившемуся к поездке в Китай, переводе главным межевщиком И. Юдиным «горной книжки» для чтения горным офицерам⁴. Больше внимания уделялось переводам учителем К. Кондратовичем некоторых книг с латинского на русский язык для «Истории Российской» В.Н. Татищева⁵. Нами охарактеризовано использование книжного собрания немецкой школы, сформированного из литературы, закупленной в

1735 г. в Петербурге и Москве, и находившегося в распоряжении учителей немецкого и латинского языков⁶.

В ходе поиска документов о деятельности горнозаводских учебных заведений в Государственном архиве Свердловской области нами выявлен уникальный документ, поданный в Канцелярию Главного правления заводов библиотекарем Лаврентием Сехтингом 19 мая 1740 г., — рапорт о книгах, взятых из Екатеринбургской библиотеки и не возвращенных, несмотря на его напоминания⁷. Как и в наши дни, среди читателей XVIII в. были лица, бравшие книги для чтения и не возвращавшие их в течение долгого времени, пока к ним не начинали применять особые меры. Весной 1740 г. терпению библиотекаря пришел конец и он обратился к членам канцелярии с просьбой, «чтоб повелено было объявленные книги собрать и возвратить по прежнему в библиотеку, ибо у иных неоднократно просил, но оные их не присылают». Ясно, что настояния Сехтинга были безуспешны, он исчерпал свои возможности воздействия на должников и вынужден был апеллировать к заводскому начальству, чтобы вернуть выданные книги на библиотечные полки.

Ценность этого документа в том, что он дает возможность увидеть круг читателей — должников библиотеки, а их, судя по списку, было немало, представить круг их чтения, сроки пользования литературой, способы получения книг. Рапорт Сехтинга с росписью невозвращенных в библиотеку книг породил целый ряд не менее ценных и интересных документов — определений членов канцелярии относительно сбора книг с задолжавших читателей, объявлений последних, зафиксированных в канцелярии, о сдаче книг или дальнейшей потребности в них, доношений учителей о судьбе школьных книг и т. д.⁸ Эти документы дополняют информацию о читателях и взятых ими изданиях, расширяют наши представления о их дальнейшей судьбе.

Учитывая ценность этих документов, мы поставили своей целью проанализировать содержащуюся в них информацию, рассмотреть организацию работы библиотеки, выдачи книг, охарактеризовать круг читателей и состав взятой ими литературы. Поскольку названия книг передавались в документах очень кратко, одним-тремя словами, мы попытались по возможности установить их точные названия, год издания, определить, с какой партией литературы та или иная книга попала на Урал, входила ли она в книжное собрание Татищева. Вопрос об использовании книг из собрания Татищева имеет особое значение, т.к. в 1748 г. в письме советнику Академии наук И.Д. Шумахеру Татищев сообщал о книгах, оставленных им в Екатеринбурге в 1737 г.: «...ныне слышу, что оные туне лежат и могут беспутно разпропасть»⁹.

Для большей наглядности мы сгруппировали данные о читателях и взятых ими книгах, указанные в рапорте Сехтинга, в виде таблицы, по возможности привели сведения о занимаемых ими должностях, отсутствовавшие в этом документе (табл. 1).

**Список читателей Екатеринбургской казенной библиотеки,
не возвративших книги к маю 1740 г.***

№ п п	Читатель	Должность	Дата выдачи книги	Кол-во книг	
				названий	то- мов
1	В.Н. Татищев	Начальник Канцелярии Главного правле- ния заводов	28.09.36	1	
			21.06.37	7	12
2	А. Розе	Переводчик канцелярии	30.03.37	3	
3	М. Аврамов	Учитель знаменованной школы	01.04.37	8	11
			10.07.38	1	
			1737	1	
			03.12.39	1	
			04.04.39	1	
4	К. Кондратович	Учитель латинской школы	05.04.38	2	3
			02.11.39	50	
			02.08.38	1	
			01.10.38	1	
			01.05.37	1	
5	Б. Штермер	Ректор, учитель немецкой школы	20.05.37	1	
			01.05.38	1	
			23.07.38	1	
			24.09.38	2	
			1738	2	
6	А. Хрущов	Воевода города Енисейска	1737	1	
7	Н. Бахорев	Механик	1737	2	
8	Ф. Санников	Учитель арифметической школы	26.10.37	2	
9	А. Теряев	Ученик немецкой школы	20.12.37	1	
			20.03.38	1	
10	И. Шнезе	Лекарь госпиталя	19.03.38	1	
			25.06.38	1	
			02.08.38	1	
11	Ф. Носков	Подканцелярист	22.03.38	2	
			21.07.38	1	
12	Н. Клеопин	Бергмейстер, член канцелярии	1738	1	
13	Гиртнер	Маркшейдер	11.09.39	1	3
14	Крумбигел	Бергмейстер	11.09.39	1	
15	Бланкенгаген	Обер-комиссар	25.09.39	5	6
16	Фохт	Секретарь	26.09.39	1	
17	Л. Угримов	Майор, член канцелярии	26.09.39	1	3
18	П. Попов	Подканцелярист	02.11.39	1	
19	Ф. Миллер		07.09.38	1	
20	А. Миссет	Учитель немецкой школы	25.09.38	1	
			11.04.39	1	
21	И. Банер	Надзиратель	04.11.38	2	
22	Х. Мейндерс	Бергмейстер, аптекарь	10.12.38	8	
23	И. Аистов	Регистратор канцелярии	04.04.39	1	
				123	137

* Составлена по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 222–226 об.

Как показали объявления держателей книг, сделанные ими в канцелярии в связи с требованием начальства немедленно вернуть ненужные книги, некоторые из них были давно переданы другим лицам: их давали читать знакомым, коллегам-учителям, вручили Татищеву перед его отъездом в Самару. Лишь в одном случае книга была передана в другие руки «по приказу пастора» — «Экономическую книгу» Штермер вручил Петерсону, передача 5 книг осуществлена без его ведома, и об этом стало известно лишь в связи с объявленным сбором книг. Для большей наглядности также сгруппируем эти сведения (табл. 2).

Таблица 2

**Обмен книгами между читателями Екатеринбургской библиотеки
в 30-х гг. XVIII в.**

Фамилия читателя	Дата выдачи книги в библиотеке	Название книги	Кому передана
Штермер	20.05.37	«Кемерова Академия наук» «Беседы Златоустовы на 14 послании Апостольские»	Татищеву
	20.05.37	Библия	Кондратовичу
	01.05.38	«Экономическая книга»	Петерсону
		«Краткий праксис»	Миссету
Крумбигел	11.09.39	«Спан»	Штейгеру Асману

Составлено по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 222–226 об.

Судя по рапорту Сехтинга, за три года (с 1737 по 1739) набралось 23 читателя-должника, на руках у которых имелось 136 изданий, а с учетом взятой еще в 1736 г. Татищевым книги — 137. По объявлениям держателей книг добавилось два новых читателя, не учтенных библиотекарем, всплыло еще 2 книги, о которых Сехтинг в росписи не заявил, и одна, о которой он позже вспомнил сам. Таким образом, перед нами проходят 25 держателей 140 книг. Некоторые из них, как мы покажем ниже, представляли собой конволюты, состоявшие из нескольких книг в одном переплете. С учетом этих аллигатов число книг, находившихся на руках у читателей, увеличивается до 144.

Среди должников — трое членов канцелярии: сам начальник заводов Василий Никитич Татищев, бергмейстер Григорий Клеопин, майор Леонтий Угримов; семеро заводских специалистов: маркшейдер Гиртнер, бергмейстер Крумбигел, механик Никита Бахорев, надзиратель Иоганн Банер, Франц Миллер, Асман, Петерсон; медики: лекарь Иоганн Шнезе, аптекарь — бергмейстер Христиан Мендерс.

Почетное место среди держателей книг занимали учителя горнозаводских школ повышенной ступени: знаменования — Мирон Аврамов (17 книг), математики — Федор Санников (2), латинского языка — Кири-

ак Кондратович (55), немецкого — Бернгард Штермер (10) и Андрей Миссет (2). Они брали книги для себя и для обучения школьников. Показательно, что среди должников отсутствовали учителя словесных школ; возможно, никто из них не являлся держателем книг в это время, а бравшие книги ранее вовремя сдавали их, так как не могли позволить долгую задержку книг, не могли ослушаться библиотекаря: их положение отставных от дел, ссыльных, было несовместимо с таким поведением.

Среди читателей мы видим и служащих канцелярии: переводчика Розе, регистратора Аистова, подканцеляристов Носкова и Попова; ученика немецкой школы Теряева. К особым пользователям Екатеринбургской библиотеки можно отнести воеводу сибирского города Енисейска Хрущова и доверенных лиц главы Генерал-берг-директориума фон Шемберга — обер-комиссара Бланкенгагена и секретаря Фохта.

Таким образом, все лица, бравшие книги в библиотеке, — это наиболее образованная часть екатеринбургского общества: горнозаводская администрация, квалифицированные специалисты, школьные учителя, выпускники европейских учебных заведений, столичных и местных горнозаводских, школ — русские и иностранцы.

На основе росписи и документов, прилагавшихся к ней, мы можем составить общее представление о порядке работы библиотеки. Поскольку Сехтинг осуществлял свои обязанности библиотекаря помимо основной работы в школе и пасторской должности, в библиотеку он мог приходить лишь на короткое время. Это могло происходить в обед, во второй половине дня по средам и субботам, а также вечерами после работы. По видимому, в случае надобности библиотека открывалась в любой час, особенно для высокого начальства: ведь известно, что другие учителя и в часы занятий выполняли важные поручения. К таким важным поручениям вполне могла относиться и выдача книг, тем более что учеников у Сехтинга, в отличие от других преподавателей, было немного. Засветло легче было и найти нужную книгу.

Наличие в росписи дат взятия книг позволяет нам судить о частоте их выдачи библиотекарем: в 1737 г. — по меньшей мере 10 раз, в 1738 — 19, 1739 — 11 раз. Следует помнить, что эти данные неполны, поскольку касаются только должников, были и другие читатели, успевшие в течение этих трех лет взять книги и вернуть их. Судя по датам выдачи книг, в некоторые дни приходило по два читателя: например, 11 сентября 1739 г. получили книги Гиртнер и Крумбигел. Иногда Сехтинг открывал библиотеку два дня подряд: 19 марта 1738 г. выдал книги лекарю Шнезе, а 20 марта — школьнику Теряеву; 25 сентября 1739 г. — Бланкенгагену, 26 сентября — Фохту и Угримову, пришедшим также в один день.

Книги брались в библиотеке не только самими читателями, но и через доверенных лиц. Так, Татищев получил одну книгу «через» Пет-

ра Трумлера, 10 книг перед отъездом — через переводчика Розе, ректор Штермер сам брал книги, но дважды посылал за ними Степанова — судя по школьным ведомостям, одного из своих лучших учеников. Бергмейстер Крумбигел получил книгу из библиотеки через Дягилева, делопроизводителя канцелярии. Штермер и вернул одну из книг Сехтингу «с Петерсоном». Две книги были отданы Штермером не в библиотеку, а подканцеляристу школьного повытья канцелярии Попову.

Объявления читателей, как уже отмечалось, свидетельствуют, что книги передавались из рук в руки и за спиной библиотекаря, без его ведома или с его санкции. Можно говорить, что существовало определенное доверие между читателями, не боявшимися передать книгу другому без официальной перерегистрации ее в библиотеке. Обмен шел между лицами, хорошо знавшими друг друга, между коллегами. Штермер передавал взятую из библиотеки Библию учителю латыни Кондратовичу, понадобившуюся для чтения его ученикам, «Краткий праксис» — учителю немецкой школы Миссету, 3 книги — Татищеву. Крумбигел отдал книгу по горному делу штейгеру Асману. Возможно, сам Сехтинг поощрял подобный обмен, чтобы не затруднять себя лишним раз выдачей книг.

Поскольку Сехтинг смог представить список должников минувших лет, ясно, что он вел текущий учет выдачи книг, записывал, кому, когда и какие книги выдал. В библиотеке имелся учетный документ — каталог книг, составленный самим Сехтингом. На наш взгляд, каталогов было несколько. Должен был существовать список казенных книг, пополнявшийся по мере поступления новой литературы. Личное собрание Татищева имело два учетных документа. В июне 1737 г., перед отъездом в Самару, Татищев сообщал канцелярии: книги «...отдал пастору в хранение, которым роспись за его рукою при сем посылаю»¹⁰. Другой экземпляр каталога Татищев оставил себе, в письме советнику Академии наук И. Шумахеру в 1748 г. он сообщал: оставленным в Екатеринбурге книгам «...я имею у себя кафалог»¹¹. Последний и был опубликован в 1981 г. В.С. Астраханским¹².

Сравнение названий книг, упоминаемых в рапорте Сехтинга, с каталогом книг Татищева, опубликованным В.С. Астраханским, приводит к выводу, что остававшийся на руках у Сехтинга каталог книг отличался от увезенного Татищевым. Он полнее: в нем фигурировали по меньшей мере две книги, отсутствовавшие в каталоге Татищева. Именно этот оставшийся в Екатеринбурге каталог регистрировал «Краткую выпись Россисским древним действиям» и «Боклереву Фантальную хитрость», выданные, согласно росписи, Татищеву и живописцу Аврамову¹³. Эти книги в составе казенной библиотеки отсутствовали и могли принадлежать только начальнику заводов.

Записи о выдаче книг велись, очевидно, Сехтингом в особой тетради; может быть, иногда он записывал и на листочках, которые потом терял, из-за чего вносил записи в тетрадь задним числом. Только этим можно объяснить, что в отношении некоторых книг не указаны точные даты выдачи, назван только год; а список должников лишь отчасти выстроен по хронологии, последовательные записи о выдаче книг с сентября 1736 г. по декабрь 1739 г. с указанием точной даты вплоть до числа перемежаются датами, ограниченными лишь годом (1737, 1738); после 1739 г. снова даются фамилии лиц, взявших книги с мая 1737 г. по 1739 г.

Об отсутствии своевременных записей о выдаче и возврате некоторых изданий свидетельствуют и такие накладки. Числившаяся на Штермере «Экономическая книга» оказалась ранее возвращенной в библиотеку Петерсоном. Сехтинг признал, что ошибся: должен был включить в список книг, подлежащих к взысканию с ректора, «Госманц О ворах, кои тав.ье покрали» (две буквы в названии книги не читаются)¹⁴. Неверными оказались и сведения Сехтинга, будто взятую в 1738 г. членом правления Клеопиным «Артиллерию российскую» тот передал учителю Санникову: последний заявил, что от Клеопина такой книги «не принимавал»¹⁵. Поскольку и с Клеопина книга в 1740 г. не взыскивалась, значит, Сехтинг запечатывал записать ее возвращение. Он не показал в росписи, что Штермер брал книгу «Беседы Златоустовы на 14 послании Апостольские», об этом становится известно лишь из заявления Штермера в канцелярии, перечислявшего названия книг, переданных им другим лицам¹⁶.

Где же размещалась первая казенная библиотека Екатеринбурга? Среди протоколов заседания Канцелярии Главного правления заводов, датированных 5 мая 1736 г., нами обнаружен любопытный документ. Татищев «с товарищи», рассуждая «о устроении школ в удобном и ближайшем месте к церкви, на которое уже и лес изготовлен, и о канцелярии, согласно определили: 1) На школы поблизости к церкви очистить два двора сряду, где жили бергмейстер Клеопин и главной межевщик Юдин, да на библиотеку к оной школе — каменную полатку: по усмотрению надобности пристройку, какая надлежит, и убор в них учинить от здешней заводской канторы»¹⁷.

По сути, это и есть «историческое» решение о выделении здания под Екатеринбургскую казенную библиотеку. До этого книги хранились, видимо, при самой канцелярии, во всяком случае оттуда выдавались русские издания по требованиям учителей. Но и в новом помещении они пробыли недолго. Сехтинг сообщает в рапорте: «Когда книги из канцелярии перенесены в дом, где оне и поныне имеютца, в то время по приказу секретаря Евдокима Яковлева двумя подъемами росийски к[ни]ги, которые в библиотеке имелись, взяты в канцелярию»¹⁸. В следующем доношении в канцелярию от 4 октября 1740 г. Сехтинг заявляет о переносе книг

в канцелярию более определенно — «в прошлом годе», т.е. в 1739¹⁹. Таким образом, с момента переезда библиотеки в новое помещение в 1739 г. в ведении Сехтинга остались лишь книги на иностранных языках, хотя и российские издания (судя по протоколу канцелярии от 21 мая 1740 г.) продолжали числиться в «росписи библиотекской»²⁰.

Рапорт о читателях-должниках 1740 г. содержит уникальные данные о Татищеве как пользователе книг, не известные в литературе, расширяющие наши представления о работе ученого над главным трудом своей жизни — «Историей Российской». Под 28 сентября 1736 г. отмечено, что Татищевым взята книга «Избрантава Поезка в хинию на голанском языке, в $\frac{1}{4}$ листа». Сам Татищев за ней не являлся, взял «чрез» Петра Трумлера. Под такой фамилией в ведомостях латинской школы числился 14-летний сын молотового мастера Екатеринбургского завода, ему Сехтинг вручил книгу, которая затем «была отдана Питерсону для перевода»²¹.

Это книга датчанина Идеса Эверта Избранта, возглавлявшего русское посольство в Китай в 1692–1694 гг., — «Dreijährige Reize naar China te Lande gedaen door den Moscovitischen Abgesant E. Isbrants Ides», выходявшая в Амстердаме в 1704 и 1710 гг. Избрант писал о том, что непосредственно видел сам, причем не только в Китае, но и на пути туда, в Сибири. По мнению А.И. Андреева, это описание явилось «первым этнографическим трудом русского происхождения о большинстве народов Сибири...причем для некоторых народов это вообще первое этнографическое описание», к тому же сопровождавшееся картой, на которой было отмечено их местожительство²². Книга до 1727 г. выдержала два издания на английском, одно на немецком и три на французском языках, на русском была опубликована Н.И. Новиковым во второй половине XVIII в. А.И. Андреев считал, что Г.Ф. Миллер первым в России использовал труд Избранта в «Истории Сибири», вышедшей в 1750 г.²³ Но опубликованные позже материалы показали, что Татищев также использовал этот труд: в «Истории Российской» он ссылаясь на мнение Избранта о народах Сибири²⁴, в каталоге библиотеки Татищева его книга числится под № 239: «Isbrands Reise nach China Holländisch. 1704», т.е. он располагал первым изданием. Благодаря рапорту 1740 г. мы получаем сведения о начале работы Татищева над этой книгой в Екатеринбурге в 1736 г. Повидимому, он получил от Петерсона перевод текста на русский язык (может быть, часть его) и решил взять с собой в Самару и книгу, чтобы продолжить работу с ней.

Эта короткая запись Сехтинга о выдаче книги Избранта имеет большое значение для воссоздания истории библиотеки Татищева и казенной библиотеки Екатеринбурга. Поскольку собственную книгу в сентябре 1736 г. Татищев брал у Сехтинга, ведавшего казенной библиотекой, напрашивается вывод, что уже тогда личное собрание начальника заводов

находилось у него на хранении, а следовательно, располагалось в одном помещении с казенной библиотекой. Возможно, Татищев передал свои книги Сехтингу сразу же после переезда казенной библиотеки в каменное помещение. Его Татищев посчитал более надежным местом хранения собственных книг, чем свой новый дом, выстроенный на Вознесенской горке, который был деревянным и потому не застрахованным от пожара, располагался за городской чертой — в случае несчастья мало кто мог помочь: народ в основном проживал близ завода, за крепостной городской стеной. Возможно, тогда же Татищев поручил библиотекарю и составление каталога собственных книг, пополнявшегося по мере поступления новой литературы. Перед отъездом в Самару 24 июня 1737 г. Татищев официально передал свою библиотеку на хранение пастору²⁵.

Судя по рапорту, за несколько дней до отъезда (21 июня 1737 г.) Татищев взял еще 9 книг у Сехтинга «через перевотчика Роза [с] собою» и комплекты «Примечаний» к Ведомостям за 3 года²⁶. «Общей штатской лексикон» в четырех томах — это «Всеобщий исторический лексикон» И. Буддея (1667–1729), 4 тома которого числились в каталоге Татищева под № 117 (Базель, 1730). Автор «Истории Российской» отмечал в «Предизвещении»: этот лексикон наряду с двумя другими многотомными словарями «имели мне большую помосьч учинить»²⁷.

Далее в списке взятых Татищевым книг значилась «Штриковскава Польская гистория в лист» — сочинение польского хрониста Матвея Стрыйковского (1547–?) «Kronika Polska, Litewska, Zmódzka y wszystkich Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey... Królewiec». В апреле 1734 г., еще по пути к Уралу, из Москвы, Татищев сообщал советнику Академии наук И.Д. Шумахеру, что собирается поручить ехавшему с ним на заводы К. Кондратовичу перевод книг Стрыйковского и Кромера²⁸, но сочинение первого так и не было переведено, хотя Татищев и отмечал позже в «Истории», что Стрыйковский «довольно основательно рускую гисторию описал и Кромера во многих местах поправляет...»²⁹. В письме Шумахеру из Екатеринбурга 15 августа 1735 г. Татищев высказал сожаление, что 17 книг Кромера переведено, «...токмо примечания из Стрыковского и русских историков к тому приобщить... способного человека нет, а мне времени не достает», и выражал надежду, что Академия наук сама выполнит эту работу³⁰.

В этом письме Татищев привел любопытный факт: Стрыйковский пишет о составлении им генеалогии литовских князей, но ее «...в той истории не находится, может, для того, что последние листы выдраны или оное у него особенно было выдано». Так мы узнаем, что экземпляр книги Стрыйковского, которым располагал Татищев, был дефектным.

Татищевым были взяты в Самару «Билкова Польская гистория» — труд польского хрониста Мартина Бельского (1495–1575) «De origine et

rebus gestis polonorum»; «Готфридова Кроника» — сочинение немецкого хрониста Иоанна Людвига Готфрида (настоящее имя — Абелин, 1600–1646) «*Histor. Kronyuck*». Взял он с собой и «Гапещиву Бомскую кронику». Под ней подразумевалась книга чешского историка Венцлава Гагедия (?–1552) «*Böhmische Chronica von Ursprung... in 883 Jahren*». Все восемь книг имели большой формат — «в лист».

Дополнительно к этим книгам Татищев взял «Краткую выпись Росисским древним действам». Судя по названию, это были выписки, извлечения, сделанные из книг или рукописных источников, характеризовавших древний период Руси. В данном случае роспись позволяет нам заглянуть в лабораторию работы Татищева над «Историей Российской»: он делал выписки по определенному периоду истории, а затем пользовался ими для ссылок. И сейчас труд Татищева поражает обилием ссылок на мнения различных авторов: порой по поводу одного суждения приводится до пяти и более мнений. Но возникает вопрос: почему, если это были выписки самого Татищева, они попали в поле зрения Сехтинга, оказались включенными в каталог? Может быть, правильнее подразумевать под ними какие-то рукописные источники?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, мы можем найти в письмах Татищева, отправленных из Швеции в Россию в 1725 г. В письме Екатерине I из Фалуна 9 апреля Татищев докладывал: «Перед отъездом моим из Штокгольма, быв у меня, упсальской первый профессор и доктор феологии Бенсилиус сказывал, что в Упсальской библиотеке множество российских древних гисторей и протчих полезных книг обретается, которыхя обещал мне позволить списать, которое ныне, мимо едучи, осмотрю»³¹. Кабинет-секретарю И.А. Черкасову 14 мая Татищев сообщал, что секретарь шведской «антиквитет-коллегии» дал ему «известие краткое» на латинском, «что до российской гистории и[з] здешних древних книг выбрать могут»³². Выборка эта была сделана: в росписи книг и рукописей, привезенных Татищевым из Швеции и переданных в Кабинет императрицы, значилась «Книга письменная, выписано из разных древних шведских летописцов, что до России касаетца»³³. Без сомнения, Татищев снял с этой книги, за которую из казны было уплачено 38 руб. 62 1/3 коп., копию и для себя. В другом письме Черкасову, отправленном 9 июля, Татищев упомянул, что приобрел большую часть книг по истории и географии России и нанял «дву человек студентов для помощи в латинском, французском, шведском и немецком языках»³⁴. Возможно, все выписки, сделанные в Швеции, Татищев и переплел в виде отдельной книги, числившейся в его собрании как «Краткая выпись Росисским древним действам». Он планировал работать с этими источниками в Самаре, поэтому и забрал их с собой в июне 1737 г. Отметим, что ни в каких работах само-

го Татищева, а также посвященных ему эта рукописная книга до сих пор не упоминалась.

Вывез Татищев из Екатеринбурга и «Росисские примечание над ведомостями 1734, 1735 и 1736 году» — комплекты первого российского журнала, издававшегося Академией наук с 1728 г. на русском языке, а с 1729 г. и на немецком в качестве бесплатного приложения к газете «Санкт-Петербургские ведомости». Комплект за 1734 год состоял из 102 частей, за 1735 — из 103, в 1736 г. на 36-й части издание по неизвестным причинам было приостановлено до 1738 г.³⁵

«Примечания к ведомостям» являлись литературным и научно-популярным периодическим изданием. В них можно было прочитать известия о деятельности Академии наук, открытии библиотеки, изданных ею книгах, статьи академиков: по математике и астрономии — И.В. Крафта, по философии — его же и Я.Я. Штелина, по химии — Г.В. Рихмана, палеонтологии — И.Г. Гмелина. В журнале печатались переводы В.К. Тредиаковского, серии статей по истории и теории драматического и поэтического искусства, по экономическим вопросам. Татищева в первую очередь должны были привлечь работы по истории, в частности работы Г.Ф. Миллера.

Судя по письмам к Шумахеру, Татищев был активным читателем этого журнала, просил высылать его и на Урал. В декабре 1735 г. он заказал «Примечания» за 1735 год с номера 84³⁶. Видимо, в конце 1736 г. Татищев снова просил о присылке журнала, так как есть свидетельства о выполнении этого заказа. Заявка Татищева 1736 г. была удовлетворена за счет комплектов, выданных ранее четырем уральцам, обучавшимся с весны 1735 г. в гимназии Академии наук. При отправке гимназистов в Екатеринбург в 1738 г. стали выяснять, сколько они получили пособий за казенный счет, оказалось, что на них числились лишние. Ученики, вызванные в Генерал-берг-директориум, сказкою объявили: показаны им в выдаче в 1737 г. «немецкие да российские ведомости со известиями» на 6 руб., но они «отобраны были и посланы де к тайному советнику г-ну Татищеву, а с кем они посланы, о том де они не известны»³⁷. Так как цена за «немецкие да российские ведомости со известиями», выданные уральским ученикам гимназии, фигурировала в счете Книжной палаты Академии наук 1738 г. как подлежащая уплате (6 руб.), значит, Татищев за эти «Примечания» 1736 г. лично не платил и вывез в Самару журналы за этот год, принадлежавшие казне. Кстати, в Екатеринбургской казенной библиотеке имелся и другой комплект газет и журналов за 1736 г., высланный Академией наук на Урал в 1737 г.

Наряду с этими книгами и журналами были увезены в Самару и две книги, взятые Татищевым у ректора Штермера (о чем последний заявил в канцелярии только в августе 1740 г.): «Кемерова Академии наук» и «Бе-

седы Златоустовы на 14 послании Апостольские»³⁸. Три тома книги Д.Г. Кеммериха о Берлинской Академии наук имелись в библиотеке Татищева (Лейпциг, 1717; 1721; 1727). В них рассказывалось о программе обучения, преподавателях, составе библиотеки академии. А.И. Андреев сообщал, что Татищев еще в 1733 г. в Санкт-Петербурге сделал перевод третьего тома, на заглавном листе которого собственной рукой вывел: «Доктор Дитрих Герман Кеммериха, профессор публичной и ассессор юристического факультета в Виттенберге новоотверстая Академия наук, в которой особливо знатных людей дети с пользою обучаемы быть. Часть третья, которая нравоучение, також естественное и народное право в себе заключают...»³⁹. В третьем томе излагались «две науки»: «нравоучение и право естественное и народное», в которых «правила здравого ума и благополучной жизни показываются». Татищев нуждался в переводе этой книги в связи с работой над «Разговором двух приятелей о пользе науки и училищах» и «Духовной» и, по-видимому, увез с собой в Самару именно третий том, рассчитывая в Самаре продолжить работу над «Разговором» и подготовить чистовой вариант перевода для Академии наук, но так и отдал в черновом варианте по прибытии в столицу в феврале 1739 г. этот экземпляр.

Если это так, то не случайно Татищев забрал и находившийся на руках у Штермера том с «Беседами» Иоанна Златоуста, касавшийся также нравственных проблем. Эта книга была приобретена А. Порошиным в Москве в 1735 г. вместе с другой учительной литературой по заказу самого Татищева на 100 руб., врученных начальнику заводов посадскими людьми города Кунгура. Книги приобретались «для обучения истинного закона христианского» и истории⁴⁰. Эти комментарии апостольских посланий Нового Завета Татищев читал в Екатеринбурге, судя по его письму И.Д. Шумахеру от 26 октября 1735 г., где он критически оценивает перевод «Бесед» на русский язык⁴¹.

Таким образом, Татищев взял с собой в Самару в июне 1737 г. 11 книг, числившихся в каталоге его собственной библиотеки, одну казенную и комплекты «Примечаний к ведомостям» за 1734–1736 гг. (номера за 1736 г. принадлежали казне). Сам состав этих изданий — достоверное свидетельство приоритетных направлений работы Татищева с источниками и литературой в самарский период, не считая продолжавших поступать к нему переводов Кондратовича. Включение же в роспись читателей-должников казенной библиотеки Татищева и его собственных книг, взятых им в Самару, показывает, что и библиотекарь, и администрация расценивали собрание Татищева, оставленное им в Екатеринбурге, уже как казенную собственность и требовали ее возврата. За подписью Л. Угрюмова в канцелярию Оренбургской комиссии ушла промемория о

возвращении книг, если они были оставлены там Татищевым, а также переводчиком Розе, взятым Татищевым в свою команду⁴².

Переводчик канцелярии Антон Розе за два с лишним месяца до получения известия о новом назначении Татищева, 30 марта 1737 г., «принел...с роспискою» «Французской и немецкой лексикон», «Российской и немецкой лексикон», «Гипнера Лексикон ведомостей великой», первые два в $\frac{1}{4}$, последний — в $\frac{1}{8}$ листа⁴³. Поскольку Розе переводил деловые документы и, по-видимому, книги для научной работы Татищева, он и взял эти словари; примечательно, что среди них оказался и немецко-французский, т. е. немец Розе переводил какие-то материалы и с французского языка. Несколько книг на французском имелись в личной библиотеке Татищева.

Попытаемся идентифицировать взятые книги с имевшимися к тому времени в казенной библиотеке и в собрании Татищева. Под французско-немецким лексиконом следует, видимо, подразумевать словарь Вальроде, числившийся в каталоге Татищева под № 489: «Wallrode Teutch-Französisch-Latinisch dictionairium. Basel, 1675». «Новый французский и немецкий лексикон», переданный Татищевым в пользу заводов по прибытии в Екатеринбург, был меньше взятого Розе — не в $\frac{1}{4}$, а в $\frac{1}{8}$ листа. «Французский, латинский и немецкий лексикон» П. Помета из той же первой партии имел 2 части, Розе же взял одностомный. Вряд ли это были и «разговорники» — «Teutsch-Französisch und Französisch-teutsche Gespräche. Nurnberg, 1707», числившиеся в каталоге под № 528.

«Российской и немецкой лексикон», взятый Розе, — это однозначно «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка» Э. Вейсмана (1641–1717), изданный Академией наук в 1731 г. тиражом в 2500 экземпляров. Этот словарь объемом в 840 страниц пользовался в России популярностью на протяжении всего XVIII в., был переиздан Академией наук в 1782 и 1799 гг.⁴⁴ Несмотря на высокую цену (2 р. 75 к.) он был приобретен гитенмейстером И. Улихом в Академии в 1735 г. в количестве 25 экземпляров, в 1736 г. куплен еще один, уже за 3 р.

Под третьим лексиконом имелся в виду лексикон Иоганна Гюбнера, (1668–1731), немецкого историка и филолога — «Hubners Staats und Zeitung Lexicon». В середине 20-х гг. XVIII в. Татищев составил к статьям о России, имевшимся в этом лексиконе, свои примечания, собиравшись отправить их автору (к сожалению, эта первая научная работа Татищева по истории не известна)⁴⁵. В каталоге библиотеки Татищева этот лексикон Гюбнера отсутствует (под № 266 числится его «Lexicon Genealogicum, 1729»). В составе конволюта он имелся среди книг, полученных Улихом в Академии наук в 1736 г., — «Донят календарь да гибнерс цейтунхс лексикон». Либо Розе увез с Урала этот лексикон, либо «Hubners Staats und Zeitung Lexicon» наряду с некоторыми другими кни-

гами не был учтен в каталоге книг, взятом Татищевым с Урала, но числился в каталоге, оставленном Сехтингу. Второе, на наш взгляд, вернее, учитывая работу Татищева с лексиконом в 20-е гг. XVIII в.

Наряду с 15 книгами и комплектами журналов, вывезенными в Самару Татищевым и его переводчиком, одна книга была отослана в 1737 г. членом уральской канцелярии Андреем Хрушовым в город Енисейск «по письму ...тайного советника Татищева» — «Штраленбергова Восточная и полудневая опись». Характерно, что библиотекарь Сехтинг сам не знал, кому отсылалась книга и в рапорте этого не показал, позже «наведался» и объявил в канцелярии, что она предназначалась воеводе Хрушову, по видимому, родственнику Андрея Хрушова⁴⁶.

Эта книга содержала богатую информацию о народах Сибири, поэтому и представляла интерес для сибирского воеводы. Автор книги, шведский обер-офицер Филипп Иоанн Страленберг (Табберт) (1676–1747), попав в плен после Полтавской битвы, около десяти лет провел в ссылке в Тобольске (1711–1721), занимался историей, этнографией и географией Сибири, составил три карты Сибири, одну из которых впоследствии подарил Петру I. Как сотрудник экспедиции доктора медицины Д.Г. Мессершмидта, обследовавшего Сибирь по приказу царя, Страленберг в 1721–1722 гг. проехал по Иртышу до Тары и оттуда через Барабинскую степь проследовал в Томск, Красноярск, Енисейск.

Материалы, собранные в Сибири, легли в основу труда Страленберга «Das Nord- und Ostliche Teil von Europa und Asien», вышедшего в 1730 г. в Стокгольме, затем, несколько под иным названием, в Лейпциге. В 1738 г. книга была переведена на английский, во второй половине XVIII в. — на французский и испанский языки; она содержала много новых ценных сведений о России, Сибири, в частности о сибирских народах — татарах, якутах, остяках, тунгусах, юкагирах, о плавании русских к востоку от Лены и т. д.⁴⁷

Татищев познакомился со Страленбергом в Тобольске в 1720 г., потом встречался на родине Страленберга в Швеции, куда ездил в 1724–1726 гг. по поручению Петра I⁴⁸. Труд Страленберга числился в каталоге библиотеки Татищева под № 240; Татищев написал более 200 замечаний на него, активно использовал его сведения в «Истории Российской».

Еще в 1734 г. для составления географического описания Сибири Татищев разослал во все сибирские города анкету из 92 вопросов, на которые губернаторы и воеводы должны были прислать ответы, касавшиеся природы, животного и растительного мира, народов, населявших эти территории, развития ремесел и торгов, древностей и т. д. В связи с медленной присылкой материалов Кабинет министров по просьбе Татищева в мае 1737 г. разослал свои указы воеводам об оказании ему содействия в сборе сведений. А.И. Андреев приводит данные о том, что вице-

губернатор сибирский Бибилов получил отношение Татищева от 4 июня 1737 г. вместе с выписками из Страленберга⁴⁹, т.е. информация этой книги активно популяризировалась Татищевым, находившимся тогда в Екатеринбурге, с целью получения более уточненных сведений о народах Сибири с мест. Возможно, в связи с этим енисейский воевода Хрушов и заинтересовался самой книгой Страленберга, просил Татищева о ее высылке — именно по письму Татищева она была отправлена в Сибирь.

Этот факт добавляет новый штрих к истории Екатеринбургской библиотеки Татищева — книга совершила далекое путешествие чуть ли не через всю Россию, — и еще раз характеризует Татищева как человека, глубоко заинтересованного в распространении знаний. Занятый проблемами Оренбургской экспедиции, делами заводов, он не забыл в приватном письме распорядиться об отсылке книги в Сибирь.

Известно, что в Самаре для Татищева переводилась эта книга. Первым на этот факт указал В.Н. Берх в 1828 г.: Татищев получил в 1737 г. в Самаре «Страленбергово описание России и приказал перевести оное на отечественный язык»⁵⁰. В примечаниях к «Истории Российской» уточняется, что в 1738 г. для Татищева было переведено три главы, позднее — еще 12 глав из книги Страленберга⁵¹. В связи с этим возникает вопрос: если книга Татищева осталась в Екатеринбурге, а с 1737 г. находилась в Енисейске, чью же книгу переводили в Самаре? Позволим предположить, что перевод делался с экземпляра, принадлежавшего бывшему начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову, скончавшемуся в апреле 1737 г. Как и Татищев, Кирилов готовил труд по русской истории, собирал книги и рукописи, привез с собой в Самару извлеченные из архива Сената «летописцы старые», между его письмами Татищев обнаружил «Новгородскую историю», которую отослал в Академию наук⁵².

Информация о посылке книги Страленберга в Енисейск, рассмотренная в контексте переводов этой книги в Самаре, позволяет сделать еще одно предположение. В Самаре с переводов 4, 5 и 6-й глав книги был сделан ряд списков: один, с поправками самого Татищева, посланный в Академию наук, хранится в Рукописном отделе БАН, два — в РНБ, еще один — в ЛОИИ⁵³. Возможно, просьба енисейского воеводы о присылке книги подтолкнула Татищева к мысли расширить перевод для связей с местами? В.Н. Берх полагал, что список перевода один и утверждал: «Рукопись сия хранится ныне в библиотеке А.П. Демидова». Между тем это был один из списков, переданных впоследствии в упомянутые хранилища, или еще одна дополнительная копия, попавшая к Демидову через окружение Татищева либо из Сибири.

Рапорт Сехтинга дает нам наиболее полное и точное представление о круге литературы, использовавшейся в школах — знаменовой и латинской, поскольку учителя именно этих школ являлись активными

пользователями библиотеки. В знаменованную школу учителем Авраамовым 1 апреля 1737 г. было взято «для обучения» 11 томов книг⁵⁴. Среди них были специальные труды по живописи и архитектуре: двухтомная «Кирхнерава Живопись» (видимо, это «Kunst pforte» (Врата в искусство: В 2 ч.), зарегистрированная в каталоге библиотеки Татищева под № 510; «Декерова. Архитектура цивялис» («Deikers Furstlicher Baumeister oder architectura Civilis, pars I. Augsp., 1711»), № 329, «Перспектива хитрости наук» Шиблера («Schüblers persctivische Zeichen Kunst, pars 1, 1719, pars 2, 1720. Nürn[berg]»), «Аугсбургская золотая резьба» (Augsburgische Gold Arbeit), № 332 и 334. Труд Кларація «Ars pictoria» (Искусство рисования) согласно каталогу книг Татищева являлся составной частью конволюта, в который входили еще две книги: «Kromsemers Reis u[nd] Zeichnungs Buch», «Weigels schönste Blihen» (№ 362–363) — «Кромсемера. Книга чертежей и рисунков», «Вайгеля. Красивейшие цветы».)

Наряду с этими западноевропейскими изданиями учитель знаменованная взял и 3 «тома» книги И.Д. Прейслера (1666–1737), главы Нюрнбергской академии живописи, изданные в переводе на русский язык (с параллельным текстом на немецком) академической типографией в 1734 г., — «Основательныя правила, или Краткое руководство к рисовальному художеству»⁵⁵. (Три части книги не были, видимо, переплетены, поэтому и числились за учителем как три тома.) Они были небольшие по объему, от 10 до 20 страниц, каждая имела по 18 иллюстраций. Это было первое руководство по изобразительному искусству, изданное на русском языке, которое должно было привить навыки рисования с натуры. Не случайно Академия наук ходатайствовала перед Сенатом о распространении этого издания в школах России в качестве учебного пособия⁵⁶. Книга переиздавалась в 1734 г., в 1781 и 1795 гг.⁵⁷ и, как отмечают специалисты, играла «...огромную роль в художественном образовании на протяжении всего XVIII в.»⁵⁸.

Были также взяты книги, имевшие богатые иллюстрации, по которым, видимо, совершенствовал свое мастерство сам учитель и которые демонстрировались учащимся, копировались ими. Это «Описание коронации» Анны Ивановны (Москва, 1730) с 14 гравюрами, среди которых портрет императрицы, изображение короны, державы и скипетра; виды Успенского собора, в котором проходила коронация, и Соборной площади, заполненной народом; изображение фейерверка, устроенного в честь этого события, и др. Учитель взял для учеников и одну из 7 книг Ф.Х. Кевенгиллера (1584–1650) — «Анналы Фердинанда», о жизни курфюрста Бранденбурга Фердинанда (1578–1637), лейпцигское издание 1720-х гг. на немецком языке, также имевшие замечательные гравюры исторической тематики, в частности изображения крепостей, битв, виды городов.

Все эти книги, за исключением Прейслера, имевшегося и в казенной библиотеке, принадлежали Татищеву, они были взяты Аврамовым в апреле 1737 г., т. е. до отъезда Татищева с Урала. Поэтому можно с уверенностью говорить, что Татищев, владелец книг, разрешал Сехтингу выдавать свои книги учителям, позволял использовать иностранные издания для преподавания в школе, несмотря на высокую цену, заплаченную за них.

Из текста росписи следует, что учитель Аврамов обращался к Татищеву за нужной книгой и непосредственно получал ее из его рук. «1737 году взято живописцом Аврамовым у его превосходительства 1) Ниренбергскую немецкая личная Библия в 2 листа», — записал Сехтинг⁵⁹. Это единственное указание на передачу книги самим Татищевым: видимо, Библия находилась у него на дому, он сам предварительно просматривал ее. Библия, пускай и на немецком языке, могла найти глубокий отклик в душах подростков, рассматривавших рисунки к ней и копировавших их. Зная активную жизненную позицию Татищева, то значение, которое он придавал нравственному воспитанию школьников, не исключено, что он мог и по собственной инициативе передать эту книгу живописцу.

Нами обнаружены документы о том, что Аврамов писал иконы для новой екатеринбургской церкви Святой Анны, позже — для строящейся церкви на Сысертском заводе. Для последней по заданию начальства расписывал и райские врата. Возможно, иллюстрированная Библия помогала ему не только в обучении живописному делу своих питомцев, но и в росписи церквей. Примечательно, что 10 июля 1738 г. Аврамов взял второй том этой Библии, изданной в Нюрнберге в 1720 г., уже у Сехтинга⁶⁰.

Но этих 15 книг учителю было не достаточно, и 4 апреля 1739 г. он взял «Боклереву Фантальную хитрость», 3 декабря на него была записана «Краусова Хисториическая в лицах Библия»⁶¹. Хотя первая книга не числится ни в поступлениях казенных книг, ни в каталоге библиотеки Татищева, она могла принадлежать, как уже отмечалось, только ему. В первой партии литературы, переданной Татищевым в пользу заводов по приезде на Урал, за плату, числилась «Беклер. Механика верная»⁶², но, судя по названию, это другая книга того же автора — известного немецкого архитектора и инженера Георга Боклера (1644–1698). Вероятно, это сочинение об устройстве фонтанов имело красочные иллюстрации, которые могли перерисовывать ученики. Вторая книга, облюбованная учителем, — иллюстрированная Библия — прибыла в Екатеринбург в составе партии книг из Самары, она дополнила двухтомную Библию Татищева.

Таким образом, на руках учителя знаменованной школы числилось по меньшей мере 15 томов, а учитывая аллигаты, 17 книг — для обучения всего нескольких подопечных: в 1737 г., судя по ведомостям, в школе было 7 человек, в начале 1739 г. — 6, в мае 1739 г. к трем оставшимся

добавили семерых новичков из арифметической. Сопоставление данных росписи о книгах, взятых в знаменованную школу, с числом учеников в ней позволяет говорить о хорошей обеспеченности учащихся литературой, как учебной, так и иллюстративной. К тому же следует учитывать, что в школе уже были пособия с открытия ее в ноябре 1735 г.: по-видимому, это книги Прейслера, приобретенные Улихом в книжной палате Академии наук в 1735–1736 гг. Вся первая партия книг была отдана в школы без регистрации их в составе казенной библиотеки (как таковой ее еще не существовало).

Книги, закупленные в 1735 г. для иноязычных школ И. Улихом в Санкт-Петербурге, А. Порошиным в Москве, числились за немецкой школой, хранились там в шкафу и выдавались на руки учителям иноязычных школ, в том числе самому Сехтингу, ведавшему главной библиотекой. В январе 1736 г. по требованию Сехтинга канцелярия предписала заводской конторе сделать и в латинскую школу «шкаф для сохранения книг»⁶³. (Интересно отметить, что в словесных школах книги хранились в ящиках, запиравшихся, как и шкафы, на ключ.) Наряду с латинскими азбуками, вокабулами, «донатами» для чтения учащимся латинской школы предназначались «Курциус Руфус», «Юстинус экспликатус», «Кастелионовы разговоры», томики стихов Горация и поэм Вергилия в $\frac{1}{12}$ листа, книга Гофмана «Дорога к композиции»⁶⁴.

Судя по рапорту Сехтинга, учитель латинской школы Кириак Кондратович трижды брал книги из главной библиотеки в дополнение к имевшимся в школе. В апреле 1738 г. он взял два словаря: «Фабрия. Лексикон на латынском языке», в двух томах (в один лист); «Юнкари. Лексикон греческой и латинской»⁶⁵. Латино-немецкий лексикон Фабрия был передан Татишевым в пользу заводов с партией книг по приезду на Урал, лексикон Юнкари — это, возможно, «Lexicon Reyhero Jurikerianum lat: Groeco It germ. Leipz., 1721», зарегистрированный в каталоге Татищева под № 420.

В августе 1738 г. Кондратович взял в библиотеке Гомера на латинском языке, в октябре того же года — «Лонии. Граматику латинску». Гомер поступил на Урал из Книжной палаты Академии наук в декабре 1737 г., это было солидное издание 1583 г., в котором текст «Илиады», «Одиссеи», гимнов, поэм давался параллельно на греческом и на латинском языках.

Много книг (50 за один раз) взял Кондратович 2 ноября 1739 г.⁶⁶ Наверное, это была самая крупная выдача, какую пришлось выполнить библиотекару Сехтингу за все годы заведования библиотекой. Чтобы перенести такое большое количество литературы в помещение школы, Кондратовичу наверняка пришлось привлечь учеников.

Можно говорить о формировании своеобразного филиала казенной библиотеки в латинской школе с осени 1739 г. Если книги, имевшиеся на руках учителей Кондратовича и Сехтинга, с момента открытия школы в основном представляли учебные пособия для начинающих изучать язык, то книги, взятые в 1739 г., предназначались для совершенствования в языке и изучения других предметов. Кондратович стремился расширить круг чтения своих подопечных еще в 1737 г.: просил канцелярию выписать новые пособия, та отправила запрос Татищеву в Самару, он ответил на это присылкой крупной партии книг, закупленных в свое время начальником Оренбургской экспедиции И. Кириловым для школы в Оренбурге.

Круг книг, выбранных Кондратовичем для своих учеников, был очень широк. Прежде всего это произведения классиков древнегреческой и древнеримской литературы, которые использовались тогда в школах Западной Европы, в столичных школах России, активно привлекаются и сейчас для изучения латыни — классика не устаревает. Чтение в подлинниках трактатов, речей, писем великих политиков и полководцев древности, трагедий, поэм, стихов поэтов помимо навыков в языке дает хорошее знание литературы и древней истории Греции и Рима, позволяет лучше прочувствовать дух той эпохи.

Кондратович взял пять книг римского политического деятеля, оратора и писателя Цицерона (106–43 до н. э.): «Цицереву Епистола», «Цицерева Описание общее», «Цицеро Селяктуа орационес», «Цицеро Де официс» (два экземпляра). Это могли быть книги из библиотеки Татищева («Ciceronis Epistolae. Selectae. Gothenburg, 1671»; «Ciceronis orationes, pars 3. Basel, 1562», № 534, 567) или из партии, присланной из Самары. Оттуда прибыли: «Цицеронова. Грамотки к друзьям»; «Цицеронова Грамотии, выбранные с немецкими примечаниями, Галл, 1716»; «Цицеронова. 12 речей, выбраны примера Минелова. Лейпциг, 1721» (6 экземпляров); «Цицеронова. 3 книги о должностях примера Минелова. Лейпциг, 1723» (6 экземпляров), то же сочинение, изданное в «Гафне» (Копенгаген) в 1679 г. Четыре тома сочинения «О человеческой должности», поступившие из столицы в декабре 1737 г., вряд ли могли быть востребованы Кондратовичем, так как были изданы на немецком языке.

В росписи книг, выданных Кондратовичу (№ 10, 31, 34 и 50), числились: «Инлиус Каесору», «Елиес Кесарь», «Греко-романи унио», «Юли Цесарис. Коментари» — сочинения Гая Юлия Цезаря (102/100–44 до н. э.), римского диктатора и полководца, автора «Записок о галльской войне», «Записок о гражданских войнах». В собрании Татищева под № 170 упоминалась одна книга этого автора: «Iulii Caesaris Französische u[nd] teutche Kriege. 1565» («Французские и немецкие войны»). Из Самары прибыли: «Елиева цесарева коментариин о французской войне — 3 кни-

ги»; «...с немецкими примечаниями, Галл, 1718» — 1; «...издание Цера-лово. Лейпциг, 1722» — 5 книг, итого 9 экземпляров. Таким образом, ученики латинской школы могли читать знаменитые труды Цезаря «*Commentarii de bello gallico*» и «*Commentarii de bello civili*» на языке оригинала.

Среди книг, взятых Кондратовичем, под № 4 и 36 фигурировали «Лукани. Пфарсалиа» — знаменитое произведение римского поэта Марка Аннея Лукана (39–65) «Фарсалия, или О гражданской войне между Цезарем и Помпеем», историческая поэма в 10 книгах. Два экземпляра этого сочинения были присланы из Самары — «Луканова Форсилиа о войне гражданской Цесарова и Помпива. 10 книг с прибавлением автора Магова. Амстердам, 1714».

«Корнелиус Непос» — это сочинения римского историка Корнелия Непота, жившего в I в. до н.э. Книга на латинском была выслана Татищеву Академией наук по его просьбе в 1730 г.⁶⁷ и числилась в каталоге его библиотеки под № 316: «*Cornelius Nepos. 1723*». Пять экземпляров поступило в Екатеринбург и из Саратова: «Корнелиус Непус. О житии императоров с толкованием Синцера, Берлин» (три экземпляра изданы в 1732 г., два — в 1733). К ним примыкала и книга «Кнолова Лексикон Корнелова Непота, тричастной. Лейпциг, 1733».

Кондратович взял для учеников и две книги произведений знаменитого римского поэта Горация (65–8 до н. э.), трактат которого «Наука поэзии» стал теоретической основой классицизма, а стихотворение «Памятник» нашло подражание Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. Библиотекарь отметил книги Горация под № 3 и 19 как «Сермонес» и «Опера». Шесть экземпляров Горация поступили из Самары («Хорациева. Деяния все примером Минелова Юнкерова. Лейпциг, 1721»), два из них и были взяты Кондратовичем: в других партиях книг и в собрании Татищева Горация не было. Были отобраны для школьников и две книги римского поэта Вергилия (70–19 до н. э.), поэмы которого считаются вершиной древнеримской поэзии: «Эклоги», вторая без названия. Они могли быть только из самарского поступления («Виргилий. С примечаниями Минелова. Копенгаген, 1694» и «Виргилова Деяния примером Минелова Юнкерова. Лейпциг, 1731 г.», 4 экземпляра). Как уже отмечалось, одна книга его сочинений, поступившая в 1735 г. из Академии наук, уже находилась в собрании школы.

Впервые в руки учеников латинской школы в 1739 г. попали два экземпляра книги римского поэта Публия Овидия Назона (43–18 до н.э.) «Метаморфозы». Выбор книг Овидия в главной библиотеке был достаточно широк, в списке литературы из Самары числились: «Овидова. Метаморфозион 15 Фарнабова. Амстердам, 1639»; то же «...с примечаниями Минелова, с приправкою Рабова. Амстердам, 1729» в двух экземплярах.

Стихи Овидия имелись в собрании Татищева как на латинском — «Ovidii Metamorphosis, Franikf.[am] M[ayn], 1631», так и на немецком языках — «Ovidii Metamorphoseon deutsch» (№ 446, 427 каталога). Под номером 32 в списке книг Кондратовича значились «Трагедии» Сенеки (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.), римского писателя и философа, автора «Медеи», «Троянок», «Эдипа».

Для изучающих латинский язык Кондратович отобрал и занимательную литературу: комедии, басни, эпиграммы древних римских классиков. Он взял три книги комедий Теренция (194–158 до н.э.), историка, грамматика и драматурга, бывшего раба Лукана («Теренти Компедокция», «Терентии Комедие», «Терентиус», №17, 41 и 43 росписи). Томики с комедиями Теренция «примером Минелова», изданные в Лейпциге в 1713 г. (6 экземпляров), прибыли из Самары. В списке книг значился и «Федрус» — книга знаменитого римского баснописца Федра (ок. 15 до н.э. — ок. 70 н.э.), переложившего эзоповские басни с моралистической окраской на латинский язык. Три книги пришли также из Самары: «Федрова притчи Есоповы. 5 книг. Примера Минелова от Валхова. Лейпциг, 1724» (2 экземпляра) и «Федрова притчи с немецкими толкованиями. Галл, 1715». Теренция и Федра дополняли две книги римского поэта Марциала (ок. 40 – ок. 104), эпиграммы которого отличались меткостью и остроумием. И они присланы из Самары: «Марциал. Описание Фарнабова. Амстердам, 1670» (в трех экземплярах).

Много интересного ученики могли узнать из книги чешского педагога Яна Амоса Коменского (1592—1670) «Орбис пиктус» («Мир чувственных вещей в картинках»). Эта иллюстрированная детская энциклопедия первоначальных знаний была составлена Коменским в 1658 г. и включала 150 кратких статей о природе, географии, растениях, животных, человеческом теле, деятельности человека, общественной жизни. Каждая статья сопровождалась рисунком, что делало книгу более занимательной. Гете, сам учившийся по «Орбису», называл ее образцовой книгой. В Екатеринбургской библиотеке было 3 экземпляра этой книги: один имелся в собрании Татищева (№ 516), второй поступил из Академии наук в июле 1737 г. («в 2-х переплетках»), третий — из Самары.

Большое значение в плане формирования личности могло иметь чтение книг Эразма Роттердамского (1469–1536), писателя-гуманиста эпохи Возрождения. Для школьников были взяты «Колоквия» и «Адагия» — «Семейные разговоры» («Civilitas morum puerilium») и «Пословицы» («Adagia»), наиболее распространенные сочинения Эразма, ставшие популярными учебными пособиями по изучению латинского языка в школах XVIII в. Михаил Ломоносов, купивший эти книги в 1738 г. в Марбурге, в проектах «Регламента московских гимназий» 1755 г. и «Академической гимназии» 1758 г. настоятельно рекомендовал использовать эти

произведения для обучения гимназистов латыни: читать и учить наизусть «Пословицы», а из «Разговоров» учить по выбору «...те, которые содержат разных речей формулы, притом толковать силу их по-грамматически и изъяснять по-русийски»⁶⁸. Отметим, что для учеников Славяно-греко-латинской академии в 1788 г. сочинение «*Civilitas morum puerilium*» было издано в переводе на русский язык под названием «Молодым детям наука, как должно себя вести и обходиться с другими», в том же году — с параллельным текстом на латинском и русском языках⁶⁹. В Екатеринбургскую библиотеку книги Эразма поступили из Самары — это «Разговоры простые» и «Сокращения притчей», изданные на родине автора в Амстердаме в 1662 и 1650 гг.

Хотя в программе латинской школы история и география не значились, да, собственно, и программы как таковой не существовало, состав книг, отобранных учителем в библиотеке, свидетельствует, что эти предметы в ней изучались. Кондратович взял четыре книги немецкого филолога и историка Х. Целлария (подлинная фамилия Келлер) (1638–1707): «Гистория» (2) и «География» (2). В библиотеке Екатеринбурга имелось по меньшей мере 11 исторических книг этого известного автора, 3 из них из собрания Татищева: «*Cellarii Historia Universalis. 1720*», «*Cellarii Historia antiqua. 1719*» и «*Historia Nona. 1720*» (№ 315, 317 и 318). Из Самары пришло 8 экземпляров: «Цералова гистория общая с примечаниями» (Иена, 1720); 5 из них в настоящее время хранится в библиотеке Свердловского областного краеведческого музея: «*Christophori Cellarii. Historia universalis. 1720*». По сути, это то же издание, что и одно из принадлежавших Татищеву.

География Целлария «в двух переплетах» (дорогая книга — 6 р. 60 к.) поступила в Екатеринбургскую библиотеку в июле 1737 г. из Академии наук. Возможно, это было издание 1731 гг., какое приобрел Ломоносов в Марбурге в 1738 г. Полное название книги в переводе на русский звучит так: «Представление о древних странах, или Полная география, разъясняющая лик земного круга от начала Рима до времен Константина»⁷⁰. Труд Целлария высоко ценился современниками, достаточно сказать, что Академия наук дважды, в 1753 и 1788 гг., издавала «Краткое руководство к древней географии», собранное «из разных авторов», в основу которого был положен труд Целлария⁷¹. В каталоге библиотеки Татищева эта книга отсутствовала, хотя на страницах «Истории» автор не раз ссылаясь на его «Древнюю географию».

В качестве дополнительного пособия по истории Кондратович взял два экземпляра «Юстинус экспликатус». Это труд римского историка II в. М. Юстина, переработавшего сочинение Трога Помпея «*Historiae philippice*», — «*Justinus explicatus, sive Historiæ Philippicæ Ex Trogo Pompejo*». Два экземпляра этой книги, привезенной А. Порошиным в 1735 г., числи-

лись за библиотекой немецкой школы, откуда могли братья в латинскую. Сейчас в фондах Свердловского областного краеведческого музея хранятся эти книги, изданные в Берлине в 1731 и 1734 гг., объемом более 1000 страниц.

Под № 13 в списке Кондратовича фигурирует «Энциклопедия Синоптика». Вероятно, это книга, числившаяся в самарском списке как «Геце-лова. Энсклопедия или свет учения философия, синоптика или сокращенная. В Абоде, 1672». Судя по заголовку книги, Кондратович намеревался познакомить учащихся и с началами философии.

Для обучения красноречию Кондратович выбрал книги двух разных авторов: один из трех экземпляров «Риторики» Кирхмана, присланных из Самары (в самарском списке книга значилась как «Кирхманова. Начала красноречия». Гамбург, 1724) и «Шонследери. Апаратус Елоквиинтице», поступившую также из Самары под названием «Шейнслидерева. Изобилие красноречия» (Лейпциг, 1648).

Кондратович взял еще 10 книг: «Дикционариум польско-латински», «Теологиу Зине Принципию», «Метула. Теологиа», «Аупифондина», «Итер ад Мозровнам», «Респонзе ад ислут» «Јорі Полоници», «Диалоги Закри», «Армулегиа». «Арум Югнум Матримони». Последняя книга зарегистрирована в каталоге Татищева под № 52 как «*Aurem onis conjugii polnisch*», в школьной описи 1788 г. давалось ее более полное название: «Илаций. Золотое бремя супружества». Польско-латинский словарь мог быть из первой партии книг, переданных Татищевым в казну, или из самарской (1662 или 1669 года издания), имелся он и в личном собрании Татищева 1648 г. издания (№ 459). Его составитель — польский лексикограф Григорий Кнапий (1564–1638).

Не ясно, что имелось в виду под «Армулегией»: такая книга не числилась ни в одном списке, несколько книг об оружии были в собрании Татищева на немецком, но вряд ли Сехтинг стал бы менять язык названия. Возможно, это «*Sachsische Exercitia bellica. Dresd., 1702*», зарегистрированная под № 466 каталога Татищева, или еще одна его неучтенная книга. Затруднительна идентификация остальных книг, не числившихся в списках под указанными Сехтингом названиями. Напомним, что Кондратович взял у Штермера и Библию на русском языке, которую, наряду с напечатанной по-латыни, читали его ученики⁷².

В целом можно сказать, что круг литературы, которым располагала Екатеринбургская латинская школа с 1738 г., был очень широк и не уступал уровню не только столичных, но и западноевропейских школ. Учащиеся, в основном дети церковнослужителей, собранные со всех казенных заводов и приписных к ним слобод, из уральской глубинки, могли знакомиться с книгами знаменитых авторов, труды которых еще не были переведены на русский язык. Безусловно, это была заслуга двух лично-

стей: Татищева, благодаря которому эти книги появились на Урале, и Кондратовича, отобравшего интересные издания для своих учеников. Личность этого человека была неординарна: выпускник Киево-Могилянской академии, он прекрасно знал латинский и польский языки, преподавал латынь семинаристам в Переяславле-Рязанском, переводил книги для Феофана Прокоповича, одного из просвещеннейших деятелей России, сподвижника Петра I, а на Урале — для «Истории Российской» Татищева⁷³.

Активным читателем Екатеринбургской библиотеки был ректор немецкой школы Бернгард Штермер. Он брал книги как для занятий со школьниками, так и для самообразования. До приезда на Урал Штермер преподавал немецкий язык в гимназии Академии наук. По просьбе Татищева, обратившегося в Кабинет министров по поводу присылки учителя для открывавшейся в Екатеринбурге немецкой школы, сам президент Академии наук И. Корф предложил кандидатуру Штермера кабинет-министрам. Как старшему учителю новой школы, по контракту, заключенному в Сенате, ему было присвоено звание ректора, в 1735 г. он прибыл на Урал сроком на 5 лет⁷⁴. Судя по многочисленным доношениям в канцелярию, Штермер прекрасно знал не только немецкий, но и русский язык, хорошо владел стилем, грамматикой, синтаксисом. Именно Штермер, видимо по поручению Татищева, оформил заявку на приобретение литературы для формирующейся казенной библиотеки Екатеринбурга в январе 1736 г. Поэтому не удивительно, что он вошел в число активных пользователей книг.

Еще до отъезда Татищева в Самару, 20 мая 1737 г., Штермер пришел в библиотеку к Сехтингу и взял «Академию наук» Кеммериха, одну часть; 10 мая «чрез ученика Степанова» заполучил «Росискую библиу», в 1738 г. взял «Краткую праксис скланением и глаголам» и «Езду в Америку»; 1 мая 1738 г. — «Окономическую книгу» (в другом случае указано: «Попечительную економию, лист в $\frac{1}{4}$ »), 23 июля — «Федровы фабулы», 2 сентября — «Зенболди. Официна шолостика» и его же «Официна фертутум», обе в $\frac{1}{8}$ листа, 24 сентября, опять «чрез Степанова», — еще один экземпляр «Официны школастики». Брал он еще две книги, как выяснилось из последующих объявлений его самого и Сехтинга, — «Беседы Златоустовы на 14 послании Апостольские», а также «Госманц[a]. О ворах, кои тав...ье покрали»⁷⁵.

Ясно, что три книги Г.И. Сейболда и «M.C. Speccii. Praxis declinationum. Nurnberg, 1729» (сама книга на немецком) понадобились Штермеру для обучения учащихся немецкой школы, они дополнили собрание учебной библиотеки. Видимо, для чтения учащимся была взята и Библия. Остальные книги, на наш взгляд, предназначались самому учителю. Каков же был круг его интересов? Внимание Штермера привлекла книга Кем-

мериха о Берлинской Академии наук, которую он через месяц отдал Татищеву, и «Попечительная экономия». В собрании Татищева было несколько книг по экономии: «*Florius teutch. 1629*» и «*Florus Teutch. 1647*», «*Hausbuch, pars 2. Frankf. u[nd] Leipz., 1714*» (№ 277, 313, 515 каталога); «*Florini Kluger Haus Vater, pars 1 et 2. Nurnb., 1722*» («Благоразумный отец семейства», в двух частях, № 418). Двухтомное издание было очень дорогим (14 рублей) в отличие от первых, оцененных в 56, 30 копеек и 1 рубль. Но первые три книги имели размер, согласно каталогу татищевской библиотеки, в $\frac{1}{8}$ листа, а последние два тома — в лист; Штермер же взял книгу в $\frac{1}{4}$. Поэтому под «Попечительной экономией» могла скрываться «Книга домашнего хозяйства», приобретенная в Книжной палате Академии наук в 1736 г. Улихом и обозначенная в счете палаты как «Гаус галтунхс бух», или книга, числившаяся в каталоге собрания Татищева под № 438 как «*Der Sorgfältige Hauswirthschafts verwalter. Leipz., 1725*» («Добросовестный эконом-домоправитель»), имевшая указанный Сехтингом размер в $\frac{1}{4}$ листа.

Книги об Америке были только в собрании Татищева, причем две. Одна («*Amphitheatrum Americanum, 1723*») была соединена в конволют с «Турецким амфитеатром», предварявшим их (№ 159–161, в каталоге ошибочно — «Турский амфитеатр»). В случае выбора Штермером этого конволюта книга была бы записана за ним по названию первой составной части, поэтому наверняка он избрал книгу, числившуюся в каталоге под № 184: «*Dappers Beschreibung von America, 3 Bücher. 1623*» («Даппера Описание Америки, 3 книги). Таким образом, интересы Штермера как читателя лежали в разных плоскостях: тут и рачительное хозяйствование, и организация обучения и воспитания в передовых учебных заведениях Европы, и описание далекого американского континента.

В отношении взятой Штермером книги «Федровы фабулы» Сехтинг поставил помету: «для переводу». Интересно отметить, что первым читателем этой книги стал Татищев. Получив список новых книг, поступивших из Книжной палаты Академии наук в Екатеринбург после его отъезда в Самару, Татищев указом от 30 декабря 1737 г. потребовал от канцелярии выслать ему «Поедрус» на немецком, прибывший на Урал в составе партии книг 5 декабря 1737 г.⁷⁶ Книга была послана при доношении 15 января 1738 г., в Екатеринбург она вернулась с Григорием Клеопиным и была вписана в каталог казенной библиотеки 21 февраля 1738 г.⁷⁷ Книга Федра была единственной, которую Татищев затребовал из новых поступлений, а ведь в списке литературы, присланной из Академии наук, числились уникальные издания, выписанные для него «из-за моря» (повидимому, из Германии); книги, необходимые для работы над географией и историей России. (Через год, в январе 1739 г., Татищев просил канцелярию «польских гисторей Кодлубкову, Гербештейнову, Коберцицкого,

одну из них, латинских, велеть перевести и, если между теми из которых на польском языке, ту прислать суда»⁷⁸.)

Чем объяснить проявление такого внимания к басням Федра? На наш взгляд, только тем, что в Самаре в это время Татищев не имел времени для работы над новой литературой, слишком поглощен был делами Оренбургской комиссии, для научных занятий хватало привезенных книг. Федра же Татищев запросил, видимо, чтобы определиться, нельзя ли перевести его «в пользу школ»: перевод книги Федра с латинского, имевшегося в самарской партии в трех экземплярах, был невозможен из-за большой загруженности Кондратовича другими поручениями Татищева.

Судя по цене (25 к.) это была небольшая книжца, предназначенная для учащихся. Подтверждает это предположение и тот факт, что в описи книг Екатеринбургской немецкой школы 1788 г. под № 340 фигурировал «Федрус для употребления в школах», тот самый экземпляр, привлечший внимание Татищева. Поручение переводить басни Федра на русский давалось, видимо, в приватном письме ректору Штермеру — Татищев вел активную переписку с частными лицами, в частности с Кондратовичем, по поводу перевода книг. Отсюда и помета Сехтинга о выдаче книги Штермеру — «для перевода». Возможно, Татищев собирался даже предложить Академии наук издать басни Федра на русском языке, как это предполагалось в отношении латинской грамматики.

Брал книги в библиотеке и другой учитель немецкой школы — Андрей Миссет: в сентябре 1738 г. он взял «Орбис Пиктус» Я.А. Коменского, в апреле 1739 г. — книгу Кеммериха об Академии наук. Вероятно, первая предназначалась ученикам, вторую он читал сам. Поскольку Татищев увез с собой том Кеммериха, читавшийся Штермером, значит, Миссет взял в библиотеке другой том из оставшихся двух. Сам библиотекарь Сехтинг, безусловно, тоже брал книги для чтения, но какие, этого мы, к сожалению, не узнаем: себя он, естественно, не стал бы зачислять в должники.

Для обучения механических учеников взял две книги на немецком и первый механик уральских заводов Никита Бахорев. Он учился в Московской школе навигаторов и Морской академии, в 1725–1726 гг. под контролем Татищева изучал машинное дело в Швеции, начинал карьеру на Екатеринбургском заводе в 1729 г. в качестве механического ученика. В марте 1735 г. по приказу Татищева Бахорев выбрал для обучения механике пятерых подростков из Екатеринбургской арифметической школы. Более трех месяцев они продолжали «твердить» арифметику в школе, а с июля 1735 г. Бахорев стал обучать их геометрии, тригонометрии, в мае 1736 г. ученики «вступили» в механику, с лета стали привлекаться «к делу машинных моделей». Среди первых учеников «механической школы», как нередко ее называли в документах, были будущий строитель

Екатеринбургской камнерезной фабрики, создатель «камнерезных мельниц» с водяными машинами Иван Сусоров; освоивший изготовление весов для заводов Урала Степан Костромин, с 1742 г. — будущий создатель паровой машины, выдающийся теплотехник Иван Ползунов⁷⁹. Вероятно, еще во время обучения в Морской академии Бахорев приобрел книгу Г.Г. Скорнякова-Писарева «Наука статическая, или Механика» — учебник, изданный в 1722 г. для учащихся этой академии, или имел выписки из этой книги, с которой и началось освоение механической премудрости в России. Эта книга стала не только первым учебником механики на русском языке, но и первым изданием Морской типографии в Петербурге⁸⁰.

Для совершенствования своих познаний и обучения механике учеников Бахорев взял из библиотеки в 1737 г. две книги: «Театрум механики генеральная» и «Театрум механики»⁸¹. Это были книги из первой партии, переданной Татищевым в казну по приезду на Урал: «Theatrum Machinarum Generale. Leipzig, 1724» и «Theatrum Machinarum. Leipzig, 1725», в поллиста. Автор этих книг — Якоб Леопольд (1674–1727), знаменитый немецкий механик, почетный член ряда европейских академий. В первой книге на 264 страницы приходился, согласно описанию, 71 лист вклеенных иллюстраций и чертежей, на 182 страницы второй книги — 56 листов иллюстраций, т.е. книги были богато иллюстрированы. В собрание сочинений Леопольда входила еще одна книга — «Theatrum statici universale», но она не была востребована Бахоревым. Все три книги стоили баснословно дорого — 18 р. 60 к., эта сумма в два раза превышала годовое жалованье солдат, на эти деньги в те времена можно было купить 93 пуда, или почти полторы тонны, говядины! Поскольку в июле 1740 г. «Бахорев объявил, что те книги у него ныне и надобны ему для обучения учеников к механической науке»⁸², можно предположить, что по ним обучался в 1742–1747 гг. и Иван Ползунов. Так, информация об использовании книг механиком Бахоревым позволяет добавить новые штрихи и к биографии будущего выдающегося теплотехника Ползунова, создавшего в 1760-х гг. на Колывано-Воскресенских заводах первую паровую машину.

У учителя арифметической школы Федора Санникова в рапорте показано на руках с октября 1737 г. две книги: «1) Сокращение математики и описание артиллерии, в $\frac{1}{8}$ листа. 2) Новая артиллерия». Под первой имелась в виду третья книга Я. Германа и Ж.Н. Делиля «Сокращение математическое», третья часть. Три тома книги вышли в типографии Академии наук в 1728–1730 гг. Первая часть содержала арифметику, геометрию и тригонометрию, вторая — астрономию и географию, третья — фортификацию, автором последней был Я. Герман⁸³.

Идентифицировать «Новую артиллерию» сложнее. В 1709 г. в Москве был напечатан перевод книги саксонского поручика И.З. Бухнера «Уче-

ние и практика артиллерии», вышедшей в Нюрнберге в 1685–1706 гг. в трех частях. В русском переводе все три части были в одном переплете; в первой содержались сведения по геометрии, механике и физике, во второй — об устройстве «потешных» и «воинских» фейерверков, в третьей — о селитре. Бухнер изложил передовой опыт саксонской артиллерии, находившейся тогда на высоком техническом уровне, осветил вопросы теории стрельбы, описал материальную часть артиллерии, способы ее ремонта, производства пороха. Перевод под редакцией Я.В. Брюса был выполнен критически, с учетом опыта русской артиллерии, возможно, с учетом замечаний самого Петра I, издан тиражом 240 экземпляров⁸⁴.

В том же 1709 г. в Москве вышла другая книга по артиллерии — «Новейшее основание и практика артиллерии» Эрнста Брауна, капитана артиллерии в Гданьске, выдержавшая два издания в Европе в 1682 и 1687 гг. Перевод на русский язык был выполнен также по указанию Петра I под ред. Я.В. Брюса. В 1710 г. в Москве книга вышла вторым изданием тиражом 1000 экземпляров⁸⁵.

Наконец, в типографии Академии наук в 1732–1733 гг. тиражом 100 экземпляров вышел перевод с французского книги П.С. Сен-Реми (ок. 1650–1716) «Мемории, или Записки артиллерийския. В которых описаны мортиры, петарды, доппельгакены, мушкеты, фузеи и все, что принадлежит ко всем сим оружиям. Бомбы, каркасы и гранаты и проч. Литые пушек, дело селитры и пороху; мосты, мины, карры и телеги; и лошади, и генерально все, что касается до артиллерии. Так на море, как на сухом пути. Разпоряжение магазинов, сочинение нарядов и станов при армии и в осадах, поход нарядов и разположение их во время баталии. Способ оборонять крепости и должность офицерская и проч.»⁸⁶. Уже из названия видно, что эта книга являлась энциклопедией знаний в области артиллерии.

Книги Брауна имелись в библиотеке Татищева как на немецком языке (издание 1682 г.), так и на русском, без указания года издания (№ 353 и 351), книга Сен-Реми была в двух экземплярах: в собрании Татищева один том (№ 368), оба тома — среди книг, поступивших из Самары. Санников мог читать как Брауна, так и Сен-Реми, но скорее всего это была книга Брауна на русском языке из собрания Татищева: название «Новая артилерия» более созвучно книге Брауна — «Новейшее основание и практика артиллерии».

Зачем понадобились Санникову столь далекие от его учительской должности книги по артиллерии? Попробуем ответить на этот вопрос исходя из данных биографии Санникова. Он начал свой трудовой путь в 1727 г. копиистом, в мае 1734 г. был произведен в шихтмейстеры, в 1735 г. показан в штатах надзирателем работ на строящемся Сусанском заводе, в ноябре 1735 г. назначен учителем арифметики и геометрии Екатеринбургской школы. За короткий срок стал знающим специалистом

горнозаводского дела, начал выполнять поручения начальства по выбору места для строительства плотин, закладке домен и т. д., все это благодаря собственной тяге к знаниям, самообразованию. Еще в 1733 г., будучи копиистом, Санников по собственному желанию обучался у маркшейдера Андрея Татищева, племянника В.Н. Татищева, выпускника Морской академии, «искуству межевальнаго сочинению чертежей и знанию должности при работах горных употребляющиеся», а в одном из документов 1736 г. всплыл и такой интересный факт: 22-летний Санников посещал занятия в немецкой школе, чтобы овладеть языком, не стеснялся учиться вместе с подростками будучи учителем в арифметической.

В октябре 1737 г. Санников выразил желание стать маркшейдером, подал доношение в канцелярию с просьбой определить его к межевальным делам и удостоить чином маркшейдера, чтобы «обучение онаго искусства туне» не потерять⁸⁷. Начальство не было против, послало запрос Татищеву в Самару, но тот приказал: Санникову «быть в плотинном мастерстве, для которого ему нужно обучиться столярному и токарному»⁸⁸. Любопытно, что Санников подал прошение об определении его к маркшейдерскому делу через два дня после взятия книг в библиотеке. Уж не они ли и подтолкнули его к попытке получения маркшейдерского чина, открывавшего более короткий путь к получению звания горного офицера? Книги он держал на руках до ноября 1741 г.⁸⁹

Примечательно, что член канцелярии Григорий Клеопин, как и Санников, проявил интерес к артиллерии: в 1738 г. он взял «Артиллерию русисскую». Сехтинг был уверен, что и эта книга от Клеопина перешла к Санникову, он добавил: «которая ныне у Санникова имеется». Но последний в ноябре 1741 г. этот факт отрицал: «Артиллерию российскую от г-на Клеопина не принимавал»⁹⁰. По-видимому, Клеопин взял книгу Сен-Реми из собрания Татищева или из самарской партии.

Другой член канцелярии, майор Леонтий Угримов, в сентябре 1739 г. взял «Вольфову Физику эксперименталис, 3 части»⁹¹. Три тома этой книги прибыли на Урал из Академии наук в 1735 г., имелись они и в собрании Татищева (Галле, 1721; №501). М.В. Ломоносов, приобретший физику Вольфа в Марбурге в 1738 г., так отзывался о ней: «В числе первых почитается сия книжица, в которой все опыты к истолкованию главных натуральных действий нужнейшие, кратко описаны»⁹². Христиан Вольф (1679–1754), профессор математики и философии в Галле (в 1706–1723 гг. и с 1740 г.), в Марбурге (1723–1740), достиг невиданной славы не только в Германии, но и во всей Европе, читал лекции более чем по 10 предметам, к нему стекались ученики из разных стран, широко печатались его труды. Хотя Вольф не был физиком по профессии, эта наука привлекала его как составная часть системы рационалистического познания. Л.Ф. Тьюминг перевел «Наставления Вольфианской философии» с не-

мецкого на латинский, в свою очередь М.В. Ломоносов, слушавший лекции Вольфа в Марбурге, в 1746 г. перевел шестую главу труда Тюмминга с латинского на русский под названием «Волфианская экспериментальная физика»⁹³. Таким образом, положения Вольфа, в сокращенном виде изложенные Ломоносовым и ставшие с 1746 г. доступными на русском языке, Леонтий Угримов изучал в Екатеринбурге в трех томах в 1739–1740 гг. Обратим внимание, как скоро новейшая литература Западной Европы достигала Урала в далеком XVIII в.

Среди читателей специальной литературы — Иоганн Банер, взявший в ноябре 1738 г. «Кокгорнову Крепостям строение» и «Целрову Архитектуру» — обе книги из собрания Татищева (№ 379, 337). Банер — выпускник Санкт-Петербургской инженерной школы, прибывший на Урал с Татищевым и несколькими своими однокашниками в 1734 г. Как надзиратель работ он выполнял различные поручения начальства, в марте 1736 г. ему приказано было учиться маркшейдерству и пробирному делу, а 9 октября 1736 г. по инициативе Татищева он был произведен в архитектурные ученики с прибавкой жалованья⁹⁴. Баннер стал первым архитектурным учеником на горнозаводском Урале — широкое строительство, развернутое в Екатеринбурге, опять же по инициативе Татищева явилось поводом к появлению такой должности. Книги были взяты Баннером для совершенствования в деле строительства крепостей.

Книга Минно Кугорна, «генерала артиллерии, генерала-порутчика инфантерии и генерала-правителя крепостного строения статов нидерландских и губернатора фландерского», выходила в Голландии двумя изданиями (второе — в 1702 г.), несколько лет по повелению Петра ее готовили к изданию в переводе на русский язык. В России она издавалась также дважды: в Москве в 1709 и 1710 гг., второй раз приказывалось напечатать до тысячи книг⁹⁵. В девяти главах Кугорн излагал свою теорию фортификации, противопоставленную теории других, преимущественно французских инженеров. Для русского издания были выполнены чертежи — точные копии планов и профилей крепостей системы Кугорна, имевшихся в голландском издании⁹⁶. В собрании Татищева книга была как на русском языке, так и на немецком (№ 350, 381). Скорее всего Банер выбрал немецкое издание, открывавшее конволют из трех аллигаторов, за Кугорном следовала рукопись на немецком под названием «Кугорн. Процесс в фортификации», текст в которой располагался в левой стороне листа в линейной рамке, правая оставалась чистой (видимо, для заметок), третьей составной частью сборника являлась книга И.М. Конради «Оптика», изданная в Кобурге в 1710 г.

Другая книга, взятая Баннером, была также из собрания Татищева, она зарегистрирована в каталоге как «Cellarii Architectura militaris. Amst[er]dam], 1645» (№337). Увлечение Баннера военной архитектурой

было неслучайным: на Урале в это время было неспокойно, в приграничных с башкирами районах велось строительство крепостей, чтобы предотвратить их внезапные набеги; сведения, касающиеся крепостей, могли пригодиться и при возведении построек в Екатеринбурге, имелись здесь и крепостные стены.

Читателями Екатеринбургской библиотеки стали и иностранцы-контрактники, трудившиеся на Урале. Так, на бергмейстере Крумбигеле с сентября 1739 г. числился «Спан» — книга С. Спана, специалиста по горному праву (XVII в.), «Саксонское горное зеркало». В ней излагались нормы прав и обязанностей всех должностных лиц и специалистов, занятых в горном деле, управлении. Эту книгу читал и штейгер Асман, которому ее передал Крумбигел. Маркшейдер Гиртнер в сентябре 1739 г. взял три книги: «Вольфова Математическая начало основание»⁹⁷ (*«Elementa matheseos universae»*) — сочинение, являвшееся подлинной энциклопедией физико-математических и технических знаний. По замыслу Вольфа, оно должно было служить не только для преподавания, но и для самостоятельного изучения всех включенных в него наук. Впервые *«Elementa matheseos universae»* вышли в Галле в 1713–1715 гг. в двух томах (такой двухтомник был в библиотеках Ф. Прокоповича и Петра I), в 1730 г. было предпринято новое 4-томное издание⁹⁸, на Урал успело прийти 3 тома этого расширенного издания (4-й том вышел в 1738 г.). Екатеринбургская казенная библиотека располагала двумя экземплярами этого труда: один пришел в июле, второй — в декабре 1737 г. из Академии наук.

Активным читателем книг, судя по росписи, стал главный провизор екатеринбургской аптеки бергмейстер Христиан Мейндерс. В апреле 1738 г. он взял 8 книг, 7 из которых по специальности и одну — «для души»⁹⁹. Книг по аптекарскому искусству к этому времени появилось в Екатеринбурге предостаточно. Мейндерс выбрал «Глаубери. Опера химика» — сочинение выдающегося химика и врача Иоганна Глаубера (1604–1668), получившего ряд лекарств, азотную и соляную кислоту, серноокислый натрий (глауберову соль); «Розенстенгелеву аптекарскую науку» — труд Иоганна Розенстенгеля (XVIII в.) *«Institutiones Chymico-Pharmaceuticae»*, представлявший собой огромный том объемом более 1300 страниц. Обе эти книги были присланы по заказу канцелярии из Академии наук в июле 1737 г. «Фаборова. Химицкое описание» — это книга Петра Фабера (XVII в.) *«Chemische Schrifften»* (Gamburg, 1713) и книга Ле Фебуре (1588–1653) «Новая химика» (*«Neuvermehrten Chymischer Handleiter Nürnberg, 1685»*) были из первой партии, переданной Татищевым в библиотеку в 1735 г. В аптеку был взят и «Материальный лексикон» Николая Лемери (1645–1715), французского химика и фармацевта, имевшийся в библиотеке в двух экземплярах (один куплен Улихом в Академии наук, другой из собрания Татищева, № 421).

Мейндерс взял и две книги о лечении травами: «Лемнев травник», составленный тем же Лемери, и «Табермонтаниев травник», на основе которых в екатеринбургской аптеке готовились лекарства из трав. Первая книга не числится ни в списках казенных поступлений, ни в собрании Татищева, поэтому можно предположить, что это не попавшая в каталог книга Татищева. Вторая же книга была передана Татищевым из своей библиотеки в пользу заводов в 1735 г. под названием «Табер Немонтани О травах и деревьях». Для «души» Мейндерс взял почитать «Марпергерову Купеческую манету» — книгу известного немецкого писателя и экономиста Пауля Марпергера (1656–1730), возможно, под ней следует иметь в виду «Московитского купца» из собрания Татищева (№ 557).

Лекарь Иоганн Шнезе, прибывший в Екатеринбург в декабре 1737 г., в 1738 г. взял из библиотеки три книги: в марте «Доктора Рихтера. Учение о ч[е]ловеческой жизни» в 1/8 листа, в июне — «Ламерову химяку», в августе — «Вольфову Етику». Книги Рихтера и Вольфа были из собрания Татищева (№ 490 и № 478), под последней подразумевалась «Moral oder Lasen der Menschen. Halle, 1723»; «Химия» Лемери была приобретена Улихом в Академия наук в 1735 г. Сочинение Х.Ф. Рихтера (1676–1710), то же самое лейпцигское издание 1722 г., имелось и в библиотеке Брюса¹⁰⁰. Перевод названия на русский язык звучит так: «Весьма важное познание человека, особенно его чувств и естественной жизни, и необходимые сведения для здоровья и самосохранения; а также о причинах, симптомах и сущности болезней и оценивающих сведениях против них, с тем чтобы каждый несведущий в медицине мог иметь информативное и удобное домашнее руководство и походную аптеку. Использование этого трактата может дать достаточный ответ для лечения тяжелых болезней с благоприятным исходом». Таким образом, оба медика-иностранца совершенствовались свои познания в химии, способах лечения людей, читали книги, не относящиеся к медицине, — по экономической тематике, философскому учению о морали.

Особое место среди пользователей библиотеки занимал Александр Теряев, в декабре 1737 г. на нем был записан «Росиской Арифметик в лист», в марте 1738 г. — «Росисская геометрия»¹⁰¹. Должность Теряева Сехтингом не называлась. В 1738 г. он являлся еще учеником немецкой школы, причем одним из лучших: его фамилия шла первой в списках учащихся. Теряев — один из трех уральцев, посланных Татищевым в 1735 г. для обучения в Саксонию с гитенмейстером Улихом, но эта поездка так и не состоялась, по возвращении юношей из столицы в Екатеринбург в феврале 1736 г. всех троих направили в немецкую школу, открытую в их отсутствие. Видимо, как способный ученик, к тому же сын стольника, Теряев получил право персонального пользования библиотекой.

Судя по названиям книг, он совершенствовал свои математические познания. Если российской «Арифметикой» «в лист» могла быть только знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого, имевшая всегда одну и ту же дату издания (Москва, 1703), то под «Российской геометрией» могла подразумеваться первая часть книги «Сокращение математическое» (издание Академии наук, 1728), «содержащая арифметику, геометрию и тригонометрию», автором которой был Я. Герман (1678–1733). Такая книга имелась в собрании Татищева (№ 389), к декабрю 1738 г. появилась и в казне (один ее экземпляр получил Санников). Под «Российской геометрией» могла подразумеваться и книга из собрания Татищева — «Начала геометрии, изложенные по-русски», объединенная в конволют с «Введением в фортификацию» (№ 345). В отношении взятой Теряевым «Арифметики» Сехтинг отметил: «...которая ныне в немецкой школе имеетца», т.е. Теряев вернул ее в школу; геометрию же, как констатировалось позднее, увез с собой, получив назначение в Оренбургскую комиссию.

Репорт Сехтинга о должниках книг позволяет говорить о том, что среди екатеринбургских приказных людей появились любители исторической литературы¹⁰². В июле 1738 г. подканцелярист Феоктист Носков взял «Казанскую историю писанную, росисскую». «Сказание о начале царства Казанского» — официальное сочинение, созданное в 1564–1566 гг., — повествовало об истории Казанского царства и его завоевании Иваном Грозным в 1552 г. Публицистическое начало переплеталось в нем с художественным вымыслом, пышный и помпезный стиль — с сухим формальным языком¹⁰³. Книга ходила в рукописном виде на протяжении трех столетий, пока в 1791 г. не появилось первое печатное издание¹⁰⁴. Тот же Носков ранее, в марте 1738 г., взял «Арифметику российскую» и «Математику». Как и ученик немецкой школы Теряев, он углублял свои познания в этой науке. Под математикой следует, видимо, подразумевать первую часть «Сокращения математического», изданную в 1728 г. в Академии наук, а «Арифметика» — это учебник Л. Магницкого.

В апреле 1739 г. Иван Аистов, трудившийся в канцелярии регистратором, взял «Троянскую историю росисскую». «История... о разорении града Трои» была написана Гвидо де Колумна на латинском языке в XIII в., состояла из 75 глав. Эта книга пользовалась большой популярностью среди читателей разных стран, была переведена на ряд европейских языков, на русский — в XV в. В России издавалась трижды в правление Петра I (в 1709 и 1712 гг. в Москве и в 1717 г. в Санкт-Петербурге) и еще пять раз вплоть до 1808 г.¹⁰⁵ Сын Аистова переписывал переводы исторических книг, выполненные учителем латинского языка К. Кондратовичем, а половину дня посещал занятия в латинской школе. Возможно, раз-

говоры сына об истории в какой-то мере и навевали интерес Аистова к истории Трои, к тому же книга с 1739 г. хранилась в канцелярии среди других изданий на русском языке. В ноябре 1739 г. подканцелярист Проконий Попов взял «Рогерсову книгу. Узлы именам». Идентифицировать ее с имевшимися в распоряжении Сехтинга затруднительно.

Секретарь (актариус) Фохт в сентябре 1739 г. взял почитать «Штатскую Асамблею Перли» — книгу Джона Перри (1670–1710), находившегося на русской службе при Петре I. В 1716 г. в Лондоне была издана его книга «The state of Russia under the present czar»¹⁰⁶, видимо, сразу же она была переведена и на немецкий, в каталоге Татищева зарегистрирована как «Perry jetziger Staat von Russland 1717». Татищев читал эту книгу, но не мог удержаться, чтобы не отозваться о некоторых оценках автора как живых в первом томе «Истории»¹⁰⁷.

Среди пользователей библиотеки были и лица, бравшие книги для обучения своих детей немецкому языку. Так, на Франце Миллере с сентября 1738 г. числилась «Немецкая азбука».

Единственным читателем, проявившим ярко выраженный интерес к литературе по истории церкви и христианства, был обер-комиссар Бланкенгаген, назначенный в мае 1739 г. Генерал-берг-директориумом вместе с актариусом Фохтом поверенным в деле передачи горы Благодать и Кушвинского завода в частные руки главе этого ведомства фон Шембергу. В сентябре 1739 г. Бланкенгаген выбрал 5 книг из собрания Татищева, вероятно, пользуясь каталогом: названия книг зафиксированы в нем друг за другом под номерами 8, 56–59. Это «Описание первых христиан» Арнольда Готфрида (1712 г., в 2 частях); «Ученый дух Яворский»; «Молот Божию слову, которой камни разбивает» (эта книга, судя по каталогу, была рукописной); «Мошгейм. О наказании еретиков»; «Будива. Уничтожение писанию древней латынской церкви», согласно каталогу — «Буддей. Оправдательное письмо Евангелической лютеранской церкви, Иена, 1729»¹⁰⁸.

Получив «докладную» Сехтинга 19 мая 1740 г., уральское начальство быстро отреагировало: уже на заседании канцелярии 21 мая было вынесено решение: требовать известия от Оренбургской комиссии, не оставили ли при ней увезенные книги Татищев, Розе и Теряев; писать в Нерчинск о присылке книг из Сибири (там находилось подчиненное Канцелярии Главного правления начальство), выяснить у учителей школ, нужны ли им взятые из библиотеки книги. Предписывалось: книги, «которые ректором Штермером и другими партикулярными людьми взяты, оные, у них отобрав, и не касающиеся или н[ы]не ненадобные до школ, отдать по-прежнему в библиотеку»¹⁰⁹. В отношении лиц, выехавших на другие заводы, приказывалось слать туда указы, чтобы управители немедленно собрали с них книги и прислали в Екатеринбург, в случае смерти держателей выяснить у родственников судьбу книг, где они оставлены или ко-

му переданы, и, отыскав, вернуть в библиотеку. Начальство потребовало выяснить, сколько книг, помимо указанных в росписи, числится на ректоре Штермере: его срок контракта подходил к концу, он должен был покинуть Екатеринбург. Всю школьную литературу Штермер немедленно должен был передать на руки учителю Миссету, а тот, в свою очередь, — сообщить о ее приеме в канцелярию.

Особое решение было вынесено в отношении книг на русском языке, взятых в канцелярию при переезде библиотеки в 1739 г. в новое помещение. Начальство распорядилось пересмотреть книги: «...которые до канцелярии принадлежат, те оставить, а кои до школ, таковые отдать учителем с роспискою, а протчие по-прежнему пастору, и кои возьмутся в канцелярию, из росписи библиотекской выключить». Таким образом, предусматривалось возвращение книг, изданных на русском языке, на хранение к Сехтингу, в канцелярии должны были остаться лишь книги, необходимые для работы горной администрации и делопроизводителей. Это могли быть Соборное уложение, именные указы, тексты некоторых других законодательных актов. Таким образом, в мае 1740 г. было «узаконено» хранение книг в трех местах: в казенной библиотеке, в канцелярии и при школах. Это делалось, видимо, для того, чтобы упростить работу Сехтинга, с одной стороны, подъячих канцелярии — с другой.

Миссет 3 сентября 1740 г. подал в канцелярию рапорт «О книгах, которые при немецкой школе имеюцца ныне налицо и кому ректором Штермером отданы и развезены, також что из них утрачено». Согласно его данным, из переданных на хранение в немецкую школу книг, купленных в 1735 г. для обеих иноязычных школ, учитель латыни Кондратович имел на руках 32 книги: вокабул — 21, азбук латинских — 8, «донатов» — 1, «Юстин» — 1, лексикон — 1; 30 изданий оказалось на руках у 12 выпускников немецкой школы и одного учащегося (от 1 до 7 книг у каждого), в том числе 7 латинских азбук, 4 грамматики, одна вокабула, один «Вестибулом», 5 книг Нового Завета, 2 катехизиса, 8 лексиконов и 2 «Истории» Байера. Часть держателей книг уже выехала на другие заводы, забрав с собой книги, 11 же книг ни на ком не числились, т.е. были навсегда утеряны: Эсига «Краткое введение к свецкой истории», 6 экземпляров вокабул, по одному экземпляру грамматики, азбук немецкой и латинской, «Вестибулом»¹¹⁰.

Пока шел сбор книг, Сехтинг в октябре 1740 г. вновь подал в Канцелярию доношение о том, «что ныне имеющиеся книги в библиотеке пересмотрел...нашел на немецком языке, в которых о знаемой материе описует: 1) Петра Перваго житие и дела, 2) Европейская нимантова том 1, 3) и том второй, 4) Периво Нынешняя статцкая описание о Росие, 5) Перемененная Росия, которое прошу приказать письменным ордером от меня принять»¹¹¹. Сехтинг отмечал, что «...еще имеюцца книги роз-

данные», обещал по получении пересмотреть и их. Начальство 30 октября приказало: эти книги и, если найдутся еще подобные, «немедленно объявить в канцелярию и впредь без позволения никаких казенных книг ему, пастору, никому не роздавать»¹¹². Таким образом, уральская администрация с октября 1740 г. брала выдачу книг из библиотеки под свой непосредственный контроль.

На наш взгляд, это делалось по двум причинам: во-первых, из-за боязни, что какая-нибудь книга, подлежащая изъятию из круга чтения, попадет в руки населения, во-вторых, бесконтрольная выдача книг могла привести к их утрате, как получилось с книгами, хранившимися в немецкой школе. Безусловно, такое решение властей могло привести к сужению круга читателей, бравших книги не по специальности, а из простого интереса, для «души».

В этом же доношении Сехтинг выражал тревогу по поводу книг, взятых в канцелярию «в прошлом году по приказу секретаря Евдокима Яковлева», но продолжавших числиться на нем, и просил «дать росписку». По этому поводу начальство 30 октября предписало: «а в прежде взятых книгах, в канцелярию... кои взяты по определению 21 мая сего году, велеть у него, Сехтинга, под каталогом росписатца регистратору и написать их с прочими по канцелярии в роспись, а кои по сему определению возмутца, в тех под оным же каталогом росписатца тому, у кого те книги при канцелярии под охранением будут, и о том ему, пастору, дать указ и, кому надлежит, объявить». Это решение подписали Л. Угримов, И. Юдин, Е. Яковлев.

В январе 1741 г. библиотекарь Сехтинг дополнительно к 5 книгам предъявил в канцелярию «Куриозатор», сообщая, что «она до сего была отдана, но ныне возвращена»¹¹³. Из этого следует, что либо он забыл упомянуть книгу в первом рапорте, либо выдал ее недавно и поэтому не внес в роспись должников. Еще раз Сехтинг просил распорядиться о росписке «в российских книгах, которые в 1739 году в канцелярию...взяты». Ясно, что ее служители не спешили брать на себя материальную ответственность, несмотря на предписания начальства. Последнее, получив доношение Сехтинга 8 числа, 24 января предписало книгу принять¹¹⁴, но о росписке не упомянуло (возможно, к этому времени Сехтинг ее наконец-то получил).

Таким образом, на основе рапорта библиотекаря Сехтинга и последовавших за ним документов вырисовываются места расположения библиотеки, порядок выдачи книг, круг читателей и состав выдаваемой литературы. Данные этих документов убедительно свидетельствуют, что во второй половине 30-х гг. XVIII в. книги первой казенной библиотеки Екатеринбурга, включая книжное собрание Татищева, активно использо-

вались учителями, учащимися школ, специалистами горнозаводского дела, членами канцелярии, ее делопроизводителями.

Эти документы позволяют говорить, что Татищев предоставлял книги своей личной библиотеки в пользование учителей школ еще до отъезда с Урала, а передача этих книг в казну резко расширила их использование. Книги из собрания Татищева в конце 30-х гг. XVIII в. составляли значительную часть выдаваемой литературы как в школы, так и индивидуальным читателям.

Наличие богатого выбора книг давало возможность населению провинциального Екатеринбурга получать информацию по различным отраслям знания, знакомиться с книжными новинками западноевропейских стран, в основном Германии, читать произведения классиков древнегреческой и древнеримской литературы задолго до их появления в переводе на русский язык.

Следует иметь в виду, что книги, взятые учителями в школы, получали сравнительно широкий круг читателей в лице учеников: например, в немецкой в 1737–1739 гг. было от 40 до 32 учащихся, в латинской — от 33 до 51, поэтому к 25 держателям книг, упоминаемым в документах, надо прибавить еще более сотни человек, включая учеников механики, школы рисования. Знаменательно, что читателями редких книг становилась уральская молодежь, будущие специалисты горнозаводского дела. С юности приобщаясь к книге, впоследствии они становились самостоятельными пользователями казенной библиотеки.

С другой стороны, обычай подолгу держать книги на руках, успевший укорениться среди индивидуальных читателей казенной библиотеки, приводил к тому, что движение части библиотечных книг приостанавливалось на ряд лет. Уже в первые годы работы библиотеки, в 1740–1741 гг., начало проводиться и изъятие неудобных властям книг из читательского оборота.

¹ Подробнее об этом см.: *Сафронова А.М.* Дарил ли В.Н. Татищев свою библиотеку Екатеринбургу в 1737 г.? // Человек и общество в информационном измерении: Материалы регион. науч. конф., посвящ. 10-летию деятельности научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 фев.–1 марта 2001 г.). Екатеринбург, 2001. С. 134–142.

² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 406–411.

³ См.: *Нечаев Н.В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944. С. 75.

⁴ См.: *Гузнер И.А.* Библиотеки учебных заведений Сибири в первой половине XVIII в. // Книга в Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 73.

- ⁵ См., например: *Пекарский П.П.* Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия // Современник. 1858. № 6. Отд. 1. С. 452–484.; *Тихоновов Н.С.* Кириак Кондратович, переводчик прошлого столетия // Библиографические записки. 1858. № 8. С. 225–236; *Нечаев Н.В.* Указ соч. С. 90; *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России // В.Н. Татищев. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 16, 19, 20, 24. *Гузнер И.А.* Указ соч. С. 73–74; *Сафронова А.М.* Переводы источников для «Истории Российской» В.Н. Татищева учителем Екатеринбургской латинской школы К.А. Кондратовичем (1734–1738 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Екатеринбург, 2000. С. 60–68.
- ⁶ См.: *Сафронова А.М.* Книжное собрание первой немецкой школы Урала (1735–1787 гг.): пути его формирования, состав, использование // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв. Екатеринбург, 2000. С. 182–203.
- ⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 222–226 об.
- ⁸ См.: Там же. Л. 227–238.
- ⁹ *Татищев Василий Никитич.* Записки. Письма, 1717–1750. М., 1990. С. 334.
- ¹⁰ Там же. С. 257.
- ¹¹ Там же. С. 334.
- ¹² См.: *Астраханский В.С.* Каталог екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник-1980. Л., 1981. С. 21–37.
- ¹³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223, 226.
- ¹⁴ Там же. Л. 236 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 235.
- ¹⁶ См.: Там же. Л. 230 об.
- ¹⁷ Там же. Оп. 12. Д. 230. Л. 21.
- ¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2321. Л. 224 об.
- ¹⁹ См.: Там же. Л. 247.
- ²⁰ См.: Там же. 227 об.
- ²¹ Там же. Л. 223.
- ²² *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск первый, XVII век. М.; Л., 1960. С. 82, 170.
- ²³ См.: Там же. С. 83.
- ²⁴ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 414.
- ²⁵ *Татищев Василий Никитич.* Записки. Письма. С. 257.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223.
- ²⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 90.
- ²⁸ *Татищев Василий Никитич.* Записки. Письма. С. 155.
- ²⁹ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 447.

- ³⁰ *Татищев Василий Никитич*. Записки. Письма. С. 200–201.
- ³¹ Там же. С. 105.
- ³² Там же. С. 112.
- ³³ Там же. С. 380.
- ³⁴ См.: Там же. С. 120.
- ³⁵ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М., 1966. Т. 4. С. 170.
- ³⁶ См.: *Татищев Василий Никитич*. Записки. Письма. С. 214.
- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 41. Л. 539.
- ³⁸ См.: Там же. Оп. 1. Д. 2321. Л. 230 об.
- ³⁹ См.: Андреев А.И. Указ соч. С. 15.
- ⁴⁰ См.: *Татищев Василий Никитич*. Записки. Письма. С. 180–181.
- ⁴¹ См.: Там же. С. 211.
- ⁴² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 230 об.
- ⁴³ См.: Там же. Л. 223.
- ⁴⁴ См.: Сводный каталог русской книги... Т. 1. С. 147–148.
- ⁴⁵ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. 1962. С. 8.
- ⁴⁶ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 231.
- ⁴⁷ См.: См.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2, XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 38–41.
- ⁴⁸ См.: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 8; см. также: *Татищев Василий Никитич*. Записки. Письма. С. 379.
- ⁴⁹ См.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. ... С. 316.
- ⁵⁰ *Берх В.Н.* Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева // Горный журнал. 1828. № 1. С. 120.
- ⁵¹ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 450.
- ⁵² См.: *Татищев Василий Никитич*. Записки. Письма. С. 271, 397.
- ⁵³ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 450.
- ⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223.
- ⁵⁵ См.: Сводный каталог русской книги... Т. 2. 1964. С. 469.
- ⁵⁶ См.: *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976. С. 81.
- ⁵⁷ Сводный каталог русской книги. Т. 2. С. 469–470.
- ⁵⁸ Гравировальная палата Академии наук XVIII века. Л., 1985. С. 14.
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223.
- ⁶⁰ См.: Там же. Л. 223 об.
- ⁶¹ См.: Там же. Л. 224, 226.
- ⁶² См.: См.: *Сафронова А.М.* Екатеринбургская казенная библиотека горного ведомства: Первое приобретение книг В.Н. Татишевым в 1734 г. // Вторые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 275.
- ⁶³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 30.
- ⁶⁴ См. подробнее об этом: *Сафронова А.М.* Книжное собрание первой немецкой школы Урала... С. 186–189.

- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223.
- ⁶⁶ Там же. Л. 224–224 об.
- ⁶⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 448.
- ⁶⁸ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1950. С. 357–358, 458.
- ⁶⁹ См.: Сводный каталог русской книги. Т. 3. С. 441.
- ⁷⁰ См. об этом: *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 211, 247–248.
- ⁷¹ См.: Сводный каталог русской книги. Т. 3. С. 167.
- ⁷² См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 236 об.
- ⁷³ См.: Новый биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. С. 98.
- ⁷⁴ См.: *Сафронова А.М.* Роль В.Н. Татищева в открытии первых иноязычных школ на Урале и формировании кадров их учителей (1734–1739) // История образования и культуры Урала. Екатеринбург, 1998. С. 3–11.
- ⁷⁵ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 225–226, 230 об., 236 об.
- ⁷⁶ См.: Там же. Оп. 12. Д. 41. Л. 57.
- ⁷⁷ См.: Там же. Оп. 1. Д. 691. Л. 346.
- ⁷⁸ См.: Там же. Д. 782. Л. 38.
- ⁷⁹ См.: *Сафронова А.М.* В.Н. Татищев и подготовка механиков для заводов Урала и Сибири в первой половине XVIII в. // Урал индустриальный: Вторая регион. науч. конф. 17 декабря 1997 г. Екатеринбург, 1998. С. 40–43.
- ⁸⁰ См.: Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич М.; Л., 1955. С. 363.
- ⁸¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223 об.
- ⁸² Там же. Л. 234.
- ⁸³ См.: Сводный каталог русской книги... Т. 1. С. 223.
- ⁸⁴ См.: Описание изданий гражданской печати... С. 120–122.
- ⁸⁵ См.: Там же. С. 90–91, 112–112.
- ⁸⁶ См.: Сводный каталог русской книги... Т. 3. С. 109.
- ⁸⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 263.
- ⁸⁸ См.: Там же. Оп. 12. Д. 41. Л. 51.
- ⁸⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 2321. Л. 234–235.
- ⁹⁰ См.: Там же. Л. 223 об., 235.
- ⁹¹ См.: Там же. Л. 224.
- ⁹² См.: *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова. С. 136–139.
- ⁹³ См.: Там же. С. 133.
- ⁹⁴ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 236. Л. 603; Д. 237. Л. 59.
- ⁹⁵ См.: Описание изданий гражданской печати. С. 93, 114–115.
- ⁹⁶ См.: Там же. С. 93.
- ⁹⁷ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223 об.
- ⁹⁸ См.: *Морозов А.А.* М.В. Ломоносов. Путь к зрелости, 1711–1741. М.; Л., 1962. С. 271.
- ⁹⁹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. С. 226.
- ¹⁰⁰ См.: Библиотека Я.В. Брюса: Каталог. Л., 1989. № 563.

-
- ¹⁰¹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223 об.
- ¹⁰² См.: Там же. Л. 226.
- ¹⁰³ См.: См.: История русской литературы X–XVII веков. М., 1980. С.310–311.
- ¹⁰⁴ См.: Сводный каталог русской книги... Т. 1. С. 411.
- ¹⁰⁵ См.: Описание изданий гражданской печати... С. 88–89, 130, 207.
- ¹⁰⁶ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 453.
- ¹⁰⁷ См.: Там же. С. 147, 174.
- ¹⁰⁸ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 223 об.–224.
- ¹⁰⁹ Там же. 227–222 об.
- ¹¹⁰ См. об этом подробнее: *Сафронова А.М.* Книжное собрание первой немецкой школы Урала. С. 197.
- ¹¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2321. Л. 247.
- ¹¹² Там же. Л. 248.
- ¹¹³ Там же. Л. 250.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 251.